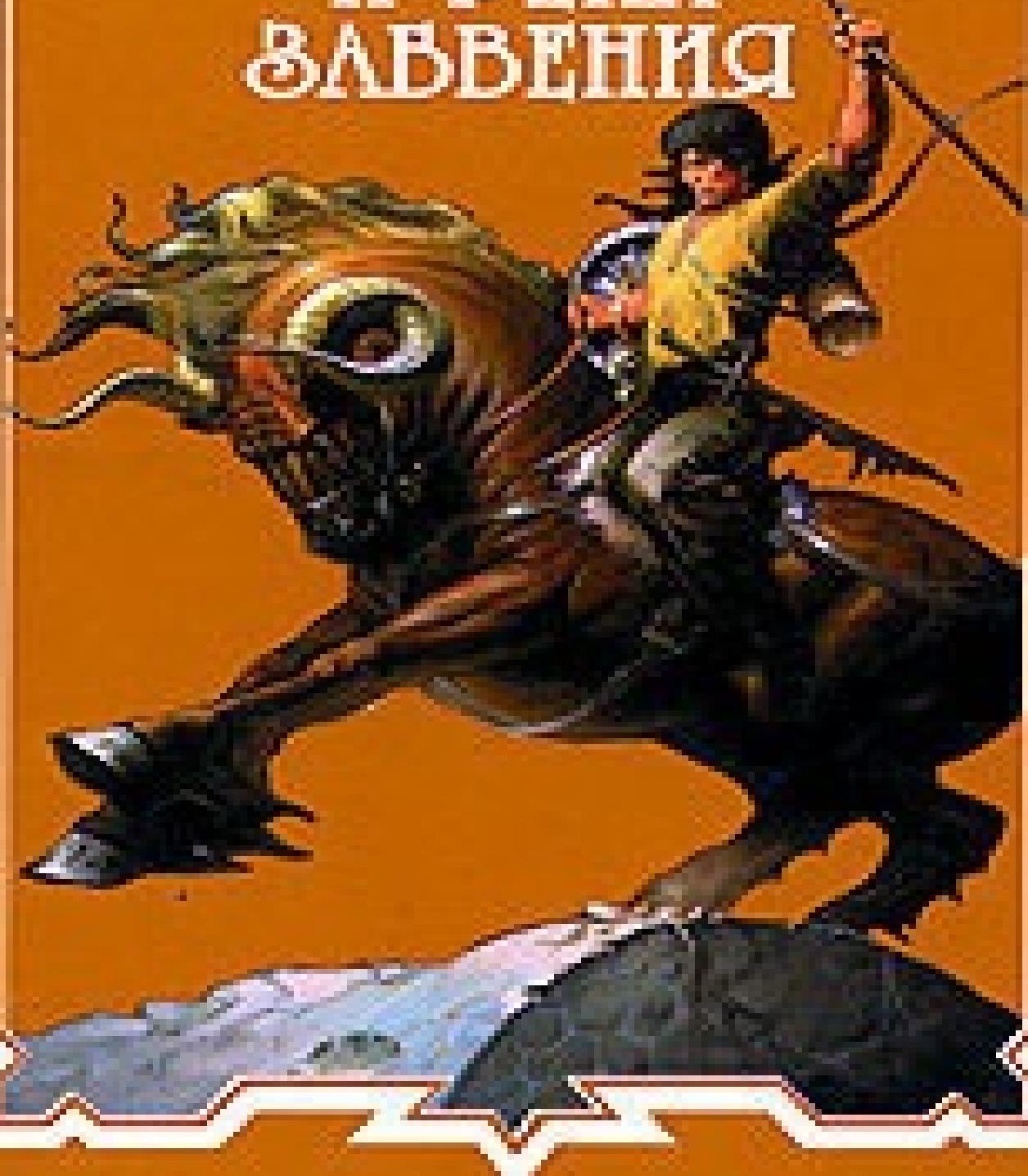

Библиотека
художественных
изданий

КОНАН
И ДЕКА
ВАВВЕНИЯ

Annotation

Новые приключения киммерийца в повестях Ника Харриса:

- * Река забвения
  - * Страх
-

- [Ник Харрис](#)
    - [Река забвения](#)
  - [Ник Харрис](#)
    - [Страх](#)
-

Ник Харрис

Река забвения

Обиталище оракула охранялось не хуже королевского дворца. У входа маячила стражка, закрывая алебардами и без того нагло запертые ворота. Дальше шел небольшой мощеный дворик, и — опять охрана. И уж совсем сем ни к чему были ленивые, зажиравшие стражники у дверей в святилище.

Дом Великого Предсказателя стоял на небольшом утесе, и вырубленные в скале ступеньки были истерты многими подошвами пришедших издалека просителей, непременно желающих узнать будущее. Само здание было невелико — оракул жил в одиночестве и любил небольшие, тесные помещения. К дому примыкало святилище — маленькое похожее на склеп строение, опять же, с нагло запертными дверьми. Немногие из просителей, побывавшие в этом склепе, рассказывали о нем только щепотом, и пугливо оглядываясь на двери. Их повествованиям не то, чтобы верили... но к оракулу и его святилищу, выслушав рассказ, относились с еще большим уважением. Говорили, в частности, что само святилище находится глубоко внизу, в нише, вырубленной в толще камня, а наверху — только вход.

И что — уже там, внизу — есть еще несколько запертых дверей, из-за которых раздаются странные стенания, и что звуки эти издают явно не человеческие глотки. Шептали, что оракул только одного из тысячи пускает зачем-то в святилище, а иногда и оставляет там на ночь, после чего человек меняется до неузнаваемости.

«Как это — до неузнаваемости? — спрашивали рассказчика. — А вот, так... неизвестно... Но, что седеет за оду ночь — это точно!»

А еще ниже, совсем уже у корней земных, протекает черная река — Река Забвения, и кто выпьет воды из той реки, забудет, кто он такой и как его звать-величать.

«Да откуда же известно, что река там протекает, если все, кто там был и пил — все напрочь забыли? — спрашивали особо дотошные.

«Стало быть, — отвечал рассказчик, не все, кто был у реки — пили воду ее, черную. Кто-то и поостерегся».

Однажды в таверну толстого Асланкариба, что на окраине Шадизара, забрел полусумасшедший странник, утверждавший, что он побывал в подземельях святилища. Он так и сказал; «в подземельях», а, значит, там, внизу не одно помещение, тускло освещенное свечами толщиной в ногу слона, а несколько. Может, даже есть ход в самые недра земли, потому что, из святилища иногда попахивает серой, а бывает, и вовсе вырываются густые клубы дыма. И в этом случае, охрана поспешно убегает на наветренную сторону утеса, зная, что ни один вор никогда не полезет в жилище оракула и что дом его, и святилище можно и вовсе не охранять.

Зашедшего в таверну странника, конечно же, угостили вином и лепешками, и долго расспрашивали. Однако он быстро захмелел и понес совсем уже чепуху, которую никто не стал слушать, за исключением, пожалуй, одного смуглого южанина с хитрыми раскосыми глазами, одетого в когда-то богатую, а ныне довольно потрепанную одежду. Южанина звали Култар. Был он когда-то охранником прекрасной, юной княжны, но после похищения княжны колдуном-сатиром, потерял работу и прилепился к киммерийцу Конану — бывшему вору,

пирату и, вообще, искателю приключений. Варвар-киммериец не мог долго сидеть на одном месте и не мог подолгу служить в чьей-либо армии, так как, не любил подчиняться и ненавидел приказы военачальников, а, заодно, и их самих. Вместе с Конаном, Култар нашел на свою голову немало приключений. Частенько бывал на волосок от смерти, и давно мечтал оставить странствия, купить небольшой замок, осесть на земле, стать примерным семьянином и хозяином. Мешала только одна малость — полное отсутствие денег на покупку замка. Как и Конан, Култар умудрялся прогуливать за несколько дней вдруг появившиеся деньги, а потом — пропившись — горько сожалеть о некупленом замке.

В рассказе полусумасшедшего странника Култуара заинтересовала одна мельком брошенная фраза: «в этой комнате было больно глазам от блеска разбросанных повсюду драгоценных камней...» Южанин тряс засыпающего пьяницу, пытаясь выведать подробности — где эта комната, как туда попасть, но странник бормотал что-то о демонах, мертвцах, уродах, сокрушающих некие решетки, затем уронил голову на некрашеный стол и заснул мертвецким сном, как и положено пьяному.

Култар с досадой огляделся, убедился, что никто из посетителей не слышал его вопросов, взвалил костлявого странника на плечо, торопливо вышел из питейного зала и по скрипучей лестнице поднялся наверх. На втором этаже располагались каморки для постояльцев. Култар толкнул самую первую дверь.

— Зачем, демоны тебя забери, ты притащил сюда это тело?! — гаркнул лежащий на лавке черноволосый гигант, гневно сверкнув глазами, в которых, как в горном озере, отражалась бездонная синева чистого неба.

— Не злись, Конан, — смиренно сказал южанин, — это тело... этот человек знает кое-что интересное.

— Что он может знать? — проворчал гигант, нехотя поднимаясь и зевая во весь рот.

— Боги создали тебя по своему подобию, Конан, — сказал Култар, с восхищением глядя на великолепное тело друга, стоявшего перед ним в одной набедренной повязке.

Конан вновь зевнул и взял рубашку.

— Помнится, в последнее приключение я пустился, чтобы купить новую рубашку и сапоги... Не купил. Денег она мне не дала, зато обещала сделать королем! — киммериец неожиданно захохотал.

— Да... — южанин потер шею, — я видел эту женщину... Меня спасло только то, что я твой друг.

— Нельзя сказать, что я остался внакладе, — продолжал Конан, натягивая сапоги, — Иолина оставила мне двух коней и несколько верблюдов. В общем, неплохо... Только...

— Только деньги от продажи верблюдов быстро кончились, — закончил мысль Култар.

— Ну... в сумке ее лошади было немного золота и порядком серебра...

— И где оно? — южанин насмешливо вскинул брови.

Конан почесал в затылке:

— Тоже быстро кончилось.

— Вот поэтому я и притащил сюда этого странника, — многозначительно сказал Култар.

испещренное шрамами, темное от загара лицо Конана, его сверкающие грозной синевой глаза, оценив богатырское сложение воина, странник стал вполне разумным, рассудительным и спокойным человеком.

— Я догадался, зачем твой друг меня напоил и принес сюда, — начал он с торжественными интонациями.

— Не я тебя поил! Другие! — встярал Култар.

Конан недовольно поморщился, и южанин замолк.

— Говори, что ты знаешь о сокровищах оракула! — Конан внимательно — просто внимательно, без злобы и угрозы — смотрел в глаза страннику, но тот отчего-то задрожал и стал торопливо рассказывать, словно опасаясь, что его скоро убьют и он не успеет выложить все, что знает.

— Его называют Черным Оракулом или Великим Предсказателем. Он живет...

— Кром! Я знаю, где он живет! — перебил Конан.

— Однажды, будучи еще молодым воином, я пришел к нему за советом...

Конан понял, что странник собирается рассказывать по порядку и во всех подробностях и решил не препятствовать этому. В конце концов, чем больше он будет знать про оракула, тем лучше. Он вновь лег на лежанку, указал страннику место на шаткой скамейке, составляющей, вместе с хромоногим столом, всю мебель комнаты, и приготовился слушать. Култар задремал в углу, присев, по обычай степных жителей, на корточки. И старик повел неторопливый рассказ, временами странный, даже неправдоподобный, но, как он клялся, правдивый до последнего слова.

— Я был тогда молодым стройным воином. С мечом умел управляться не хуже других, а в стрельбе из лука мне не было равных, — странник покосился на невероятно огромный меч Конана, висевший на стене, кашлянул и продолжал:

— Любил я одну девушку невероятной красоты. Ни мерцание луны, ни свет солнца не могли затмить божественную красоту ее прекрасного лица.

Конан закряхтел с досады. Похоже, странник, по заведенному раз и навсегда обычаю всех дервиш, собирался рассказать красивую историю, в которой если и была правда, то — попробуй, отыщи ее среди красочных выражений, пышных оборотов и нарочитых преувеличений. Поэтому Конан решил все же немного приземлить воспарившего к небесам дервиша.

— Говори короче и только по делу, — бросил он, глянув на вдохновенное лицо странника.

— Хорошо, — покорно сказал тот, и продолжил рассказ простым языком, лишь иногда срываясь на пышные обороты.

— Зовут меня Алиман, я был когда-то воином и умел обращаться с мечом не хуже... — похоже, он решил начать все заново.

Конан застонал, а Култар хмыкнул из своего угла.

— В ту пору я решил взять в жены красавицу Алкунсу. Девушку, с красотой которой не могло сравниться даже... гм, да. Словом, задумал я жениться. Денег я скопил достаточно, жилище у меня было неплохое — дом в три комнаты, с подвалом и небольшой комнатой под самой крышей. Всего, значит, четыре комнаты было в моем доме. Вполне достаточно, чтобы жить большой, дружной семьей. Одно смущало — иногда моя невеста пропадала невесть куда на несколько дней. А, возвратившись, отказывалась подарить мне свои небесные ласки, с которыми могла сравниться разве только благодать бога Митры. Нужно сказать, что нравы в

той семье, откуда была родом моя избранница, отличались редкостной свободой, и в отсутствие невесты я часто предавался любовным утехам с ее младшей сестрой — красавицей Иниргой. Гм, нужно, конечно сказать, что красотой она уступала моей невесте... Была, вообще, довольно невзрачна, да, что там — прямо сказать, уродлива, как демоница.

Длинный, горбатый нос, с трепещущими, как у похотливой кобылицы ноздрями, торчащие передние зубы, один из которых был обломан. Но что делать, если хочется ласки, а невеста уехала, как я думал, по торговым делам. Она помогала в делах отцу — почтенному купцу средней руки. Ну, если быть точным — отец ее был не то, что бы купцом... но торговал... всякой всячиной на базаре. Его место было самое крайнее, дальше уж только нищие стояли...

Ну, вот. Невеста пропадала, я в эти дни миловался с ее сестрой — все равно ее никто никогда замуж не возьмет, разве что урод какой-нибудь, горбатый, да слепой. Зрячий то, как увидит ее страшную рожу, убежит так далеко, что ни за что его не сыскать потом.

Вижу, господин, что вы нетерпеливо вздыхаете — хорошо, буду рассказывать еще короче. Ну и вот. Милуюсь я с ее сестрой, вознося между делом хвалу богу нашему и покровителю — Митре за то, что невеста моя не такая страшная, как ее сестра, хотя... определенное сходство было, конечно — сестры ведь. А сестры, вестимо, всегда похожи. Я бывало, и не сразу отличал одну от другой — они ведь были (я разве не сказал?) — близняшки. Потому-то, я как-то и залез на сестру, вместо своей невесты, а та и рада! Такая была ведьма! Да и моя Алкунса, надо признать, характером была не намного лучше. Словом, жил я — не тужил. Две красавицы под рукой, только свистни! Не жизнь, а сплошное удовольствие. Хотя, надо честно сказать, не всегда с ними удовольствие получал. Бывало, как начнут во время любви кусаться, да по щекам хлестать — тут уж не до удовольствия. Но и я не промах — заеду кулаком пару раз по морде ее, по рылу ее свиному — и опять все, как положено... Что, господин? У кого из них рыло? Да, прости меня Митра, у обеих такие хари, что на свинью и то смотреть приятнее! Вот, вы, господин, я вижу, смеетесь — а мне каково было с двумя такими сладить? Бывало, как начнут обе приставать, да между ног хватать, да тянуть каждая к себе — кто за что ухватит!.. Не приведи вам боги такое испытать! Ладно, что одна из них — которая, сразу и не поймешь — пропадала на несколько дней. А, может, они по очереди пропадали... кто их разберет...

Но, как-то рассказал мне один старый товарищ, что видел мою — ту ли, другую, ли — как шла она к оракулу. Торопливо так шла, почти бежала. Будто демоны за ней гнались, или нетерпение ее обуяло. Проскакала, как козочка хроменькая по лестнице... Я не говорил, разве, что она хромала на правую ногу? Нет... на левую. Вот наваждение! Дело в том, что хромали-то обе, только на разные ноги.

Проскакала, значит, подбежала к воротам, а стражники ее сразу и пустили, значит, не первый раз она к оракулу бегала. Ну, а дальше товарищ мой, конечно не видел — не был он вхож в дом к оракулу. По правде сказать, даже я его на порог не пускал — пьяница он был и вечно мочой от него воняло. Убежала моя козочка, а я и задумался — зачем это она так часто бегает совета у оракула спрашивать? Ну, спросила раз, ну другой... Но не так же часто, как она. И решил я, по молодости и по глупости, проникнуть в дом Великого Оракула и узнать, что же делает там моя невеста, либо сестра ее. У меня так: сказано — сделано! Дождался когда кто-то из ведьм моих убежал и — за ней.

Догнать-то ее не сложно было: одна нога у нее настолько короче другой была, что смотреть, как она ковыляет, просто сил никаких не хватало.

Идет-ползет, раскорячившись, да со стенами, да с кряканьем утиным. Догнал и иду потихоньку сзади. Ну, а как к лестнице, что ведет на скалу, где оракул вздумал построить дом свой, подошли — я, конечно, приотстал и смотрю издали.

Только ничего нового не увидел. Как и говорил товарищ мой, пропустили ее стражники и опять сели в кости играть. А я, надо вам сказать, так умел в кости играть, что сам удивлялся — кости слушались меня, как хорошие собачки. Бывало, нахмурюсь, соберусь с духом, разозлюсь, даже для придания себе дополнительной силы и скажу мысленно — сейчас выпадут две шестерки! И — точно! Выпадают шестерки, и я забираю весь выигрыш.

Вы, может, спросите, почему же я, таким образом, не добывал деньги, не разбогател и не стал владельцем замка или королем? Отвечу. Дело в том, что я начал было зарабатывать деньги, но в тавернах быстро признали мою способность управлять кубиками и бить стали при каждом выигрыше! Бывало, так насуют кулаками, что ни жив, ни мертв из таверны убегаю... да еще и все выигранные деньги отберут! Потому и перестал я кости катать. А тут, думаю, нужно вспомнить свое старое ремесло. Подошел к стражникам, спросил для приличия, когда оракул народ принимает — оказалось, что в этот день пускать никого не велено. Ага, смекаю, а моя-то к нему пришла! Значит, не совета пошла просить! Нет, думаю, умру, а узнаю в чем тут дело. Предложил я стражникам в кости сыграть. Они помялись — не положено, мол, но потом согласились. Договорились, если я проиграю — отдаю им меч свой, если они — пускают меня втихаря за ограду — посмотреть что и как.

Любопытно мне, говорю им, посмотреть, как живет Великий Оракул. Они то были уверены, что выиграют, но проиграли, конечно. Нехотя пустили меня за ворота — только недолго, говорят. Прошел я, походил, пока они смотрели, потом зашел за угол и — шмыг! Сиганул к окну пристройки, святынища, то есть — а окна низкие были — заглядываю. Вижу, стоит сам оракул — гордо выпрямившись и руку воздев. А выглядел он, надо сказать, внушительно. Черная борода до самых глаз, черные пронзительные глаза, сам высокий, почти как вы, господин, только у вас живота нет, а у него брюхо выпирало, будто мешок под рубаху спрятал. Ну и стоит, руку подняв, а перед ним на коленях моя, значит, невеста, либо сестра ее. Молится на этого оракула, только глаза сверкают. Поклоны ему бьет, касаясь челом земли. Ну, думаю, заморочил он голову бедной женщине.

Тут меня стражники и схватили. Им оказывается те, что у ворот стояли, рассказали — пустили, мол, чуть-чуть посмотреть, а он и пропал. Как бы ни залез куда-нибудь. Ну, схватили меня, оружие отобрали, руки связали и привели пряником к оракулу. Тот впился своими черными обжигающими глазами. Ты кто такой, — говорит, — и зачем тут подсматриваешь? Ну, я рассказал, что вот, моя невеста к нему убежала — беспокоился я...

Он засмеялся так, гадко, будто паук — если бы паук мог смеяться, конечно. Спросил у невесты — все ли так? Она только головой кивает.

— Ну, что ж, — говорит, смотри, что теперь твоя невеста, делать будет. И пошел куда-то вниз — двери-то заранее были распахнуты. Потащили и меня за ним, а невеста моя Алкунса, или сестра ее Инирга, сама пошла. Спускаемся куда-то по темной лестнице — стражники факелы несут, тени от них пляшут по стенам, и так это мне жутко и неприятно стало, что хоть волком подвытай.

Алкунса — все же это, вроде, она была — идет, как деревянная, будто зомби. Или заколдовал он ее, или опоил зельем каким-то, не знаю, только идет она — на меня даже не глянет, будто и незнакомы мы с ней.

Долго шли по ступенькам. Спустились, наконец, до какой-то площадки, от которой в

разные стороны темные тоннели отходят. Штук пять или шесть боковых тоннелей, а лестница вниз, как шла, так и идет, уж не знаю, куда она вела, может в самое сердце земли. Но мы пошли по одному из тоннелей. Низкий такой проход в скале вырублен — стены плохо обработаны, корявые, с камнями торчащими. За такой камень зацепись в темноте — точно колено разобьешь.

Тут недолго мы шли — скоро уперлись в дверь дубовую, железом окованную. Стражники, вижу, мечи наизготовку взяли — и открывают засов. А из-за двери — рычание, возня, царапанье, будто зверь какой, когти о стену точит. Жутко мне стало, а оракул усмехается. И такой страшной мне его рожа показалась при свете факела, что задрожали у меня колени и, честно скажу, упал я на пол. Стражник меня за шкирку поднял и держит. Второй — невесту мою Алкунсу к двери подвел, а сам, вижу, тоже боится.

Оракул навел на меня глаза свои страшные, словно две дырки в какую-то темную яму и говорит, что он пытается вывести новую породу людей... Да, нет, не людей он сказал, а... как-то по-другому назвал, не помню... Я с этого момента многое забыл со страху — уж не гневайся, господин. Там такого ужаса я натерпелся, что на несколько человек хватило бы. В общем, сказал он, что выводит новую породу, только вот, невеста моя, Алкунса, значит, никак не может понести от того, кто там за дверью сидит. Приходится ее водить к нему все чаще и чаще.

У меня аж в глазах потемнело оттого, что услышал. Значит, на нее сейчас набросится какое-то чудище и будет любить ее по-своему, по-звериному. Посмотрел я на бедную свою невесту, и так мне жалко ее стало, что я забился в руках стражника, закричал что-то... я так думаю, что проклятия я посыпал оракулу этому. А тот смеется, оскалившиесь, что твой волк голодный. Потом, размахнулся и врезал мне по носу, да так, что кровь брызнула. Вот теперь, говорит, хорошо. Кровь он любит — сам кивает на дверь, которую стражник открыть приготовился. Понял я, что сейчас бросят меня чудовищу на съедение и — скажу вам, не стыдясь — заплакал, как малое дитя. И себя жалко, и невесту мою, и со светом белым расставаться, ой как не хочется! Хоть знал я, что бесполезно просить оракула о милости, все же — переломил себя — и со слезами стал умолять его отпустить меня и невесту мою Алкунсу. Но тот, конечно, только рассмеялся и дал знак стражнику — открывай, мол. Тот распахнул дверь, а другие бросили меня в темноту, а за мной — Алкунсу. Дверь тут же захлопнули, и, слышу, засов задвинули.

Лежу в темноте — ни жив, ни мертв. Алкунса упала, было на меня, да приподнялась и отползла в сторону. Лежу и слышу — принохивается ко мне зверь. Примерно, как собаки нюхают, только громче гораздо. Может, конечно, это в темноте показалось, что громче. Темнота-то была полной, будто кто-то глаза выколол. Лежу и стараюсь не дышать. Может, зверь подумает, что я умер и не станет есть мертвечину. Ведь, он, конечно же, хищник, а хищники живое любят. Чтобы жертва билась под когтями, вырывалась, верещала. Не знаю, может, подействовала моя маскировка или по другой причине, только отошел от меня зверь и подошел, вероятно, к невесте моей. А она, слышу, стонет так тихонько, но не от страха, а, вроде как, от желания. Ну да, ей, конечно, не впервые было с чудовищем этим совокупляться, вот она и истекает желанием.

Завозились, слышу, зарычал от наслаждения зверь, застонала громче моя невеста. А я лежу и думаю: вот сейчас закончит он свои мерзкие дела и есть захочет. И тогда уж меня точно сцапает. И стал я молится Митре, и вразумил он меня, неразумного. Сказал, достань трут и кресало, зажги хоть клок своей одежды, сделай факел. А потом вытащи кинжал и

отомсти за поруганную честь невесты, а заодно спаси и свою жалкую жизнь. И точно — за сапогом у меня ведь один кинжал остался — не нашли его второпях, да сильно-то и не искали. Так — отобрали то, что снаружи висело. Торопливо сорвал я с себя рубашку, связал ее в узел тугой, достал огниво, высек искру, раздул, запалил факел свой самодельный и оторопел, обомлел оттого, что увидел. До сих пор, как глаза закрою всплывает у меня эта картина. Невеста моя на четвереньках стоит, голову запрокинула и стонет от страсти. Платье-то задрано, тьфу, а к ней, как кобель к суке, припало страшное существо. И не человек, и не зверь, а не знаю даже, как и назвать. Морда, у него скорее, звериная, с длинными челюстями, как у собаки, только больше раза в два. Да зубы торчат явно не собачьи — скорее, от саблезубого тигра достались. На передних лапах, коими он Алкунсу обхватил, когти не меньше медвежьих — он ими впился в белые бедра женщины так, что кровь сочится. А тело у него, похоже, в общем, на человеческое, только больше, толще и шерстью все заросло. И так он увлекся, что и не заметил огня моего, а если и заметил — внимания не обратил.

Не до того ему было — он мою Алкунсу терзал и при этом рычал от страсти звериной. И еще хорошо помню — слюни его тянулись и капали на спину невесты моей, образуя на платье большое мокрое пятно.

Положил я на землю рубашку свою, горящую, подкрался сзади и всадил кинжал прямо в сердце зверю. Он головой вскинул, затем поник и уронил голову свою безобразную на спину Алкунсе, а зад его как ходил ходуном — так и ходит. И теперь хвост у него я разглядел: с кисточкой на конце, как у коровы. В общем, вижу, что убил я его, на работу свою он и мертвый выполняет, только рычать перестал, а что касается невесты моей — Алкунсы, то она, вроде и не заметила никаких перемен. Все также стонет сладострастно и ничего вокруг не замечает.

Ладно, думаю. Подожду, пока это мертвое чудище свое гнусное дело закончит. Смекаю — за Алкунсой придут стражники, чтобы вывести ее, как и раньше, я тут на них и нападу внезапно. А был я ловок, как демон, и верток, как выон — сейчас-то, думаю, стражники меня врасплох не застанут, как тогда у окна. Сейчас я их врасплох застану. И мы посмотрим, кто кого! Рубашка моя дрогнула, и опять в темноте мы оказались.

Присел я, к стене прислонился, жду. В темноте слышны только стоны Алкунсы, да дыхание ее надсадное. Дыхания зверя — не слышно, значит, точным был мой удар. А невеста моя все ахает, да стонет, хорошо ей, значит. Сколько так сидел — не помню. Время, как бы остановилось, а сам я даже, вроде, заснул. Только от внезапной тишины и пробудился. Алкунса, слышу, тяжело так дышит, но не стонет более. Значит, зверь тот издох окончательно, думаю себе. Вскоре слышу — стражники засов открывают. И один говорит другому:

«Да не бойся ты, он сейчас сътый, не бросится...»

Это они думают, что зверь тот меня съел. Ну, нет, ошиблись! Только дверь открыли — я на них и кинулся. Снизу так, змеей проскользнул и одного, другого — кинжалом в живот. На них даже и кольчуг не было — жара стояла тогда, да и обленились они, служа оракулу, бдительность потеряли. А были бы на стражниках кольчуги — не миновать мне смерти.

Быстро раздел я одного из них, переоделся, оружие его нацепил — кинжал один у него хороший оказался, дорогой. С рукояткой, украшенной драгоценными каменьями, причем, не поддельными, а самыми настоящими — рубинами и аметистами. Ну, вытащил я из-за дверей Алкунсу, смотрю — спит она. Взвалил ее на плечо, в другую руку взял факел, что стражники принесли, и пошел к выходу. Только дошел до лестницы, слышу, спускается кто-то. Да не

один и не два — целая толпа. Так сапогами подкованными цокают, будто десяток лошадей скачет. Куда деваться? Что делать? Положил Алкунсу на лестницу — ее-то они вытащат, как и раньше, а сам кинулся в другой тоннель. Бегу, а сам одним ухом слушаю, что там сзади делается. Звук-то по тоннелю каменному хорошо разносится. Слыши — загадали, загомонили — нашли Алкунсу. Сейчас, смекаю, они побегут дальше и найдут мертвых стражников, а потом кинуться меня искать.

А где тут спрячешься — в этой норе? А если и забежишь, куда-нибудь, где не найдут, так и сам заблудишься. Бегу и по сторонам успеваю поглядывать. Смотрю — и справа, и слева ниши выдолблены и решетками забраны. А за решетками-то звери сидят, вроде того, которого я убил.

Некоторые — больше, другие — меньше, но все на меня смотрят. И глаза у них горят, как у волков, только намного ярче! В волчьих глазах свет просто отражается, это всем известно. От луны ли, от костра отблески, но — отражение. А тут, вижу — и сами глаза горят красноватым таким светом. Я бегу, а они меня все глазами провожают. В одной только клетке спал зверь, остальные смотрят, но — молча. И то хорошо, думаю, что не воют, не рычат, шум не поднимают. Бегу.

И вдруг натыкаюсь на стену. Все, кончился тоннель. Он и проделан был только для того, чтобы клетки разместить. Что делать? А стражники кричат позади. Мне чудится, что они уже и по моему тоннелю бегут. Через несколько мгновений найдут меня в стену уткнувшегося. Куда бежать, куда прятаться? И тут опять Митра помог — совет мне дал. Только затрясся я от такого совета, душа аж захолонула. Но делать нечего.

Погоня, точно уже по моему тоннелю бежит. Подошел я к той клетке, где зверь спал, открыл потихоньку засов, чтобы он не звякнул, не разбудил бы чудовище, и тихонько так, на цыпочках вошел в клетку. Засов за собой задвинул — а погоня уже рядом — и смотрю на спящего монстра.

Он калачиком свернулся и к стенке отвернулся, совсем, как рассерженный муж, когда жену хочет презрением наказать. Ну, я загасил факел, подкрался, лег рядом, авось, думаю, второпях не заметят, что не одна фигура, а две лежат. Лег, а сам не дышу, боюсь зверя разбудить. Голоса стражников все ближе — я лежу. Кованые сапоги, будто в моей бедной голове грохочут. Все ближе и ближе. И тут зашевелился, заворчал зверь. Видно, разбудил его шум погони.

Опять Митра меня надоумил. Вытащил я из-за сапог кинжал и вонзил в спину чудовищу. Как и в прошлый раз, в сердце метил, только не попал в темноте. Зверь взревел, а я еще пару раз кинжалом ткнул. Он забился в судорогах, потом затих. А стражники уже подбежали к клеткам. Слыши:

«Тут вэлсы сидят! Они бы шум подняли, если бы он сюда забежал!»

А другой говорит:

«А ты не слышал — сейчас вроде, кто-то из них заревел?»

«Давайте, давайте быстрее! Все-таки проверим тут и в другой тоннель! Времени мало! Если не поймаем — хана нам! Великий бросит нас вэлсам!»

Ну, все, думаю — конец. Теперь они меня найдут. Если бы послушались того, кто говорил, что звери эти — вэлсы, как они их называют, тревогу поднимут, коли чужой пробежит — не пошли бы до конца тоннеля. А теперь — пойдут. Видать, старшой их, который все подгонял, да торопил — дотошный малый. И тут, наверное, опять Митра подсказал — как сделать, чтобы они не меня не нашли. Только вот беда — советы бога,

конечно, очень хорошо помогали, но только заставляли меня делать вещи не совсем приятные. Вот и теперь — залез я под дохлого вэлса, весь кровью перемазался, взгромоздил его на себя и лежу тихо. Пусть думают, что этот зверь спит. Да он и действительно ведь спал, значит не вызовет это подозрения. Одного не мог понять: почему чудища эти — вэлсы — на меня не рычали? Наверное, потому, что одежду стражника я надел. А стражники их кормят. Больше ничем объяснить не могу. Не скажешь же, что понравился я им!

Вообщем, лежу — вонища от этого дохлого чудища такая, что аж слезы из глаз! Но в тот момент я не об этом думал. Только бы не заметили!

Не стали бы будить «спящего» вэлса! Не показалось бы им подозрительным то, что он не проснулся от топота их, лошадиного! Пробежали стражники — по звуку шагов — человек пять их было, не меньше. Добежали до стены — и назад. Опять мимо меня. Слыши:

«Скорее, скорее! В следующие тоннели — может, он туда побежал», — это старшой их, значит. А другой, задумчиво так, с усмешкой, говорит: «Не завидую я ему, если он попадет в лапы кхэша! Он же где-то по дальним тоннелям гуляет!»

И побежали дальше, только сапогами затопали. А меня дрожь бьет: это что же у них тут творится?! Вэлсы, кхэши, какие-то! Развели под землей чудовищ! Надо, думаю, выбираться, пока они все тоннели не обошли, да назад не вернулись. Вот, только как выбираться-то? По тоннелям пойдешь блукать — точно этому кхэшу попадешься. К выходу бежать — так там, конечно, такая охрана стоит!..

Сбросил с себя дохлого вэлса, запалил факел, вышел из клетки и пошел к выходу из этого тоннеля. Вот тут звери шум и подняли. Наверное, потому, что я весь в крови их собрата был. Почуяли во мне врага. Ну, думаю — теперь надо отсюда выбираться, пока стража не прибежала. А вэлсы все воют! Затосковали по убитому, что ли? Я — бежать со всех ног, а они вслед еще громче шумят — лают, воют, рычат! Выбежал я на площадку, откуда все тоннели начинаются. Слыши — сверху по лестнице уже спускается новый отряд. Понятно — звери такой шум подняли, что мертвый услышит. Я на миг растерялся. Куда бежать? В другие тоннели? Или, может, вниз по лестнице? Где этот чудовищный кхэш бродит? Пока раздумывал — стража уже спустилась, вот-вот на площадку выскочит. А в других тоннелях, что здесь начинаются, отряды рыщут. И решил вниз по лестнице бежать. Оно-то, конечно, понятно, что вниз побежишь — наружу вряд ли выберешься, да только выхода у меня другого не было. Спрячусь, думаю где-нибудь, забьюсь в нору, пережду, а там уж и выбираться буду. Пока-то главное — стражникам не попасться. На площадке в углу лежала вязанка факелов — я выбрал три самых больших, помолился Митре и сиганул вниз по лестнице, стараясь не топать сверх меры. Побежал, потом шагом пошел, когда спустился уже достаточно, чтобы не слышали меня. Иду, спускаюсь по лестнице этой, бесконечной — пламя факела так и мечется, будто испуганный зверек в клетке. Страшно было спускаться невесть в какие бездны. Тоннель стал ниже, иногда пригибаться приходилось, будто кланяться неизвестным богам или демонам подземелья. До сих пор хорошо помню этот тоннель с лестницей, эту нору, круто уходящую в бездну. Ступеньки неровно вытесаны — того и гляди, запнешься и полетишь кувырком вниз, в темноту. Факел-то, известно, потухнет. И покатишься в самые недра земли, в кромешной тьме и в лапы чудовищам.

И стали меня одолевать такие мысли — упаду, сорвусь, темнота нахлынет... Я уж, осторожно ступать старался. И чем осторожнее ноги ставлю, тем страшнее становится. А ну, как и вправду упаду? Ведь при такой крутизне — стоит только чуть-чуть запнуться, слегка задеть носком сапога ступеньку, с которой спускаешься... и полетел. И ни за что не

остановишься, будешь лететь, пока не достигнешь самого дна преисподней.

Чувствую — сил больше нет, сейчас кричать начну от ужаса. Орать во все горло, плакать, маму звать, как ребенок. Остановился, сел на ступеньку. С большим трудом держу себя в руках. Сам все вниз смотрю, в нору эту, почти вертикальную, с зубцами ступенек, о которые как раз ребра ободрать, когда падать будешь. И окрепла во мне уверенность, что упаду! Вот, точно — немного еще пройду и упаду, покачусь, как снежный ком по крутым склону, и так же, как ком, разобьюсь об острый выступ. Сижу. Ноги дрожат, дышу, как рыба на песке — рот открываю, а воздуха не хватает. А страх все наваливается, все гнет голову к груди. Хочется свернуться клубком, спрятать руки в коленях и замереть, авось, Они не найдут. Да кто это Они, думаю — что это мне в голову лезет? Но сам знаю — Они уже идут за мной. И это не стражники. Стражники по сравнению с ними — маленькие дети, в песочек играющие. Кто же такие Они? Может те, о ком стражники говорили — кхэши? Нет, нет — знаю, что не то. Кхэши — всего лишь чудовища, а вот, Они — это действительно страшно. Это такой ужас, от которого волосы не то, что дыбом становятся — проволокой жесткой встают! Знаю, что при виде Их, я упаду и забьюсь в судорогах, как падучей страдающей, пена изо рта пойдет кровавая. А Они встанут надо мной и...

Почувствовал я, что кричу от страха. Знаю, что кричу, что нельзя тут шуметь — этим их только приманишь, а сделать ничего не могу, ору, во все горло, прошу не забирать меня, оставить тут, в этом мире, каким бы страшным он не был. Знаю уже, что Они не в нашем мире живут — в другом. Там, где сама жизнь соткана из ужаса, где существование возможно только в бесконечном кошмаре, от которого не уйти, не проснуться, не спрятаться в обмороке, в смерти.

Стал головой о стену биться и чувствовать, что они уже близко. Услыхали крики, почувствовали мой ужас, ведь Они им и питаются. Им, чтобы жить, нужно живое существо погрузить в бездну страха, заставить его постоянно испытывать вселенский ужас и тогда Они смогут пить душу человека, напитываться его силой...

Кричать уже не мог я, только стонал и головой бился, а из бездны поднимались Они. Это я чувствовал настолько четко, несмотря на невероятный страх, что и помню отлично. Помню, как Они поднимались. Все ближе и ближе — нужно бы бежать назад, наверх, отдаваться в руки стражникам — пусть меня убьют поскорее, или скормят вэлсам. Смерть — ведь это избавление. Я имею в виду смерть от меча, или от зубов вэлса. Но если Они тобой завладеют — смерти не будет. Будет вечный кошмар, нескончаемая мука, пытка ужасом.

Сижу, тело, как не мое — оцепенело все. Стонать даже уже не могу, только накатывает волнами тот самый беспредельный ужас, что Они с собой несут. И вижу — из бездны, из черного провала вглубь земли поднимается будто облако. Клубится, копошится, выбрасывает в сторону щупальца. А в облаке том, лица мелькают, искаженные страхом — сами по себе страшные тем, что страх испускают.

Вот так. И больше я ничего не помню — хоть убейте меня. Очнулся я далеко от жилища оракула, в роще, что в нескольких часах пути от той зловещей скалы, где оракул поселился. Долго лежал без сил и думал, что со мной приключилось.

Как же попал я в рощу, кто вытащил меня из бездны? Как-то смутно помниться, сквозь страх, что меня окутал — когда снизу облако надвигалось — сверху голоса стражников раздавались.

Может, они меня успели вытащить? А, может, это я придумал себе — про стражников. И кто-то другой меня оттуда извлек, как рыбак рыбу на крючке из глубокого, темного омута. В

общем, не успело меня накрыть то облако — это я точно знаю, иначе не сидел бы сейчас с вами и не рассказывал эту историю. Я вот, думаю, может, Митра всемогущий еще, раз помог, напоследок? Ведь сколько раз помогал — а тут, что ж отдать на поругание душу мою Им? Нет, он так не согласился бы, это точно. Возможно, он и направил стражников, чтобы нашли, меня и вытащили. А уж, почему оракул не отдал мое тело вэлсам, не знаю. Я тогда как мертвый был — они, наверное, мертвчину не жрут. А возможно, оракул решил, что с меня хватит и того ужаса, что я пережил. Пожалел меня, значит...

Старик повесил голову на грудь и надолго задумался.

— Ну, ладно, — Конан поднялся с лежанки, широко зевнул и с хрустом потянулся, из чего следовало, что он не слишком внимательно слушал дервиша, возможно даже и задремал в нескольких местах рассказа.

— Ладно, — повторил он более грозно, — а где же комната с рассыпанными по полу сокровищами? Или я что-то пропустил из твоего рассказа?

— А... это... комната-то... была, — неуверенно сказал старик, — я, видишь ли, господин, надышался, наверное, испарений, идущих от Реки Забвения, снизу поднимающихся... ну и позабыл многое... А комната — была. Как сейчас помню, иду и сапогами-то камешки откидываю!

— Да почему ж ты в карманы их не набрал? — не выдержал Култар.

— Я? Не набрал, почему, ты спрашиваешь, господин? Ну... так ведь, не до того было. Погоня за мной по пятам неслась...

Конан уже все понял и посмотрел на Култара, все так же сидевшего в углу с непроницаемым лицом.

— Ну, хоть позабавил он нас, — покряхтев, сказал южанин, — порассказал... Легенды-то давно ходят про это подземелье оракула, про Реку Забвения... Я думал, что он и вправду видел сокровища.

— Вот пусть лопнут мои глаза, — вскинулся дервиш, — видел! Еще как видел!

— Ясно, — Конан опять зевнул, — вот тебе, старик, монета за то, что позабавил нас рассказом.

Он протянул на огромной, величиной с лопату, ладони серебряную монету.

— О, нет, нет, это слишком много, — запротестовал дервиш, но монету взял с такой быстротой, что с ладони она исчезла как бы сама собой.

Напоследок, уже собираясь уходить, он сказал:

— Правду сказать, господин, сам я не видел комнаты с сокровищами, но мне один человек рассказывал — божился, что видел и даже набрал полные карманы камешков.

— А где бы нам увидеть этого твоего человека? — Култар еще не совсем потерял надежду найти в подземельях оракула сокровище.

— Да нет его давно... И, вообще, прежде чем помереть, он память потерял. Говорили, что второй раз полез за сокровищами, да и попил водицы из Реки Забвения. Вот так. Спасибо за монету. Теперь, если у меня не отберут, несколько дней буду пить и кушать всласть.

— Ну, все же, что-то в этом есть, — протянул Култар, не желая признавать свою ошибку.

— Ничего нет, — равнодушно бросил Конан, — ничего.

- А вдруг?
- Ты хочешь забраться в подземелье оракула? Поверив этим рассказням?
- Ну, не знаю, — Култар почесал затылок, — по слухам оракул сказочно богат... Надо подумать, узнать...
- У кого узнать? Ты вот слушал полдня рассказ старика — узнал что-нибудь?
- Кое-что... Например, расположение тоннелей.
- О сокровищах — узнал?
- О сокровищах никто толком рассказать и не сможет. Но вот, что-то много в Шадизаре стало потерявшим память. Возможно, все они ходили к оракулу...
- Кром! Зачем оракулу поить их водой этой, из Реки Забвения? Зачем?
- Ну... — Култар задумался, — может, они рассказали оракулу, где у них спрятаны сокровища. После этого, он поил их черной водой, и сам откапывал деньги. А те все забыли!
- Оракул, — наставительно сказал Конан, обращаясь к Култару, как к заболевшему ребенку, — сам должен все знать, а не расспрашивать тех, кто пришел к нему за советом. Иначе, какой же это оракул? Он должен вещать, а не расспрашивать! Иначе быстро растеряет своих посетителей.
- Может, сходим к нему — за советом? Да и сами посмотрим, как и что...
- У тебя есть лишние деньги? — холодно осведомился Конан.
- Оракул с воинов много не берет, — зачастил южанин, — берет, сколько дадут. Знает, что воинов лучше не обдирать. Так что... бросим по монете, а сами оглядимся.
- Интересно, — задумчиво произнес Конан, — вывел он новую породу людей, или кого там?.. Дервиш ведь ходил к нему лет двадцать назад.
- Култар обрадовался, что Конан хоть чем-то заинтересовался.
- Конечно! Заодно и посмотрим — вывел или нет! Сегодня как раз вечером он принимает посетителей!
- И что тебя так заинтересовал этот оракул? — удивился Конан.
- Не знаю, — признался южанин, — вот, просто чувствую, что есть у него сокровища, есть! Как не быть?
- Он смотрел на Конана с такой собачьей мольбой в глазах, что киммериец не выдержал и стал собираться.
- Огниво возьми... Вдруг там, в темноте придется бродить?..
- Значит, пойдем?! — Култар пританцовывал от радостного возбуждения.
- Пойдем, спросим у оракула, стану ли я когда-нибудь королем? — усмехнулся Конан.
- А как мы попадем в подземелья?
- Мы просто пойдем к оракулу! И все! — рявкнул Конан, и южанин понял, что разговоры пора прекращать.
- Стражники, стоявшие у ворот, на поднимающихся по ступенькам двух воинов — высокого и невысокого, смотрели с подозрением, как и на всех, кто приходил к оракулу с оружием.
- По мере приближения Конана и Култара к воротам, подозрение сменилось удивлением — такого гиганта, каким представлялся киммериец, даже если смотреть на него, топающего по ступенькам, сверху — не часто можно было встретить на улицах Шадизара. И, наконец — когда товарищи подошли к воротам — на лицах стражников можно было видеть только почтение, почти благоговение перед мощью пришедшего к оракулу воина.
- О чём вы хотите просить Великого Оракула? — тонким голосом спросил самый

молодой стражник, решив все же соблюсти положенный ритуал.

— Не твое дело! — рявкнул Конан, не удостоив взглядом трясущуюся русую бородку новобранца.

— Мы пришли посоветоваться с Великим Оракулом о важных делах, — вкрадчиво пропел Култар, царапнув колючим взором поочередно лица всех четырех стражников.

Ворота открылись на удивление быстро.

— Время Великого оракула дорого. Вы не можете разговаривать с ним слишком долго, — выкрикнул новобранец положенную фразу вслед уходящим воинам.

Конан с Култаром прошли на территорию оракула.

Перед ними стоял совсем невысокий дом, добротно сложенный из красного камня. Окна были забраны решетками. Перед дверьми так же стояла стража — на сей раз шесть человек. И если у ворот стояли не слишком зрелые воины, то теперь перед друзьями предстали опытные, закаленные в боях наемники. Они смотрели угрюмо и подозрительно, цепко осматривая каждую деталь костюма вновь прибывших.

Каждый из них надолго задержал взгляд на огромном мече Конана, затем посмотрел в его синие глаза, как бы проверяя, насколько владеет этим мечом стоящий перед ними человек.

Судя по выражениям лиц стражников, все они пришли к выводу, что человек владеет мечом очень хорошо, и представляет в бою несомненную опасность. На Култара они глянули мельком. Ненужных вопросов никто не задавал.

Молча и угрюмо воины открыли двери. Товарищи вошли в дом. За ними, все также молча, следовали четверо стражников. Красивый юноша с девичьим лицом — Конан даже засомневался: не переодетая ли женщина перед ним — провел гостей вглубь дома, оказавшегося довольно просторным.

Конан с Култаром и четверо стражников, вслед за юношей, прошли недлинным коридором, спустились по небольшой лестнице и оказались в огромном, пустом зале, посреди которого возвышался трон из чистого золота. Юноша жестом попросил вошедших остаться на месте, и плавной походкой пошел к трону, очевидно, доложить о просителях.

Конан огляделся. Низкий потолок и отсутствие окон наводили на мысль, что этот зал расположен уже под землей. Непонятно было только одно: как по той небольшой лестнице, по которой они только что спускались, можно было попасть под землю, да еще и под утес, так как, зал этот с далекими стенами, никак не мог поместиться внутри торчащего, как палец, утеса. Киммериец вспомнил, как долго они поднимались от поверхности земли на утес. Не могли же они спуститься на такое же расстояние по небольшой лестнице?! Или, этот зал — иллюзия? Интересно, как на самом деле далеки стены?

— Где мы, демоны побери этого оракула, находимся?! — зашептал Култар.

— Не разговаривать! — дружно зашипели сзади стражники.

Конан пожал плечами. Затем поднял руку и коснулся потолка. Потолок был самый настоящий — из шершавого камня. Но как он не рухнет без колонн и подпорок? Ведь это же не маленькая комнатка? А, может, именно маленькая?

Киммериец все больше склонялся к мысли, что весь огромный зал — иллюзия.

— Я знал одного художника, — вновь зашептал Култар, словно угадав мысли товарища, так он...

— Не разговаривать! — перебили стражники.

— Заткнись! — Конан обернулся и посмотрел на переминающихся с ноги на ногу

воинов.

Видно было, что им не по себе в этом странном зале. Наемники замолчали, вероятно, решив не злить гиганта с огромным мечом и не устраивать ссоры в присутствии оракула.

— Так вот, — продолжал южанин, — художник этот так нарисовал однажды дверной проем и коридор за ним, что вечером, при свете факела, многие расшибали себе головы... Может, и тут?.. Факелов-то немного, и светят как-то не так... Тускло светят.

Вернулся юноша. Звонким голосом сказал:

— Великий Оракул ждет вас. Но предупреждаю — времени у вас немного. Великий Оракул очень занят.

Он пошел вперед и Конан опять подумал, что это переодетая женщина. Едва друзья сдвинулись с места, как все пришло в движение. Стены скользили вокруг, как бы внезапно утратив материальность, потолок нависал, угрожающе прогибаясь. Пол только на расстоянии нескольких шагов казался твердым — дальше начиналась мерцающая зыбь. Друзья слышали, как за спиной вполголоса чертихались наемники. Вероятно, им не часто приходилось бывать в зале приема посетителей.

Юноша же, напротив, шел спокойно и уверенно. Конан и Култар удивленно крутили головами и чем больше крутили, тем нереальнее становилось вокруг. Стены стали качаться, то, надвигаясь, то, отдаляясь, золотой трон посреди зала, внезапно оказался прямо перед глазами. Но разглядеть сидящего на троне человека было невозможно. Мигали факелы, плясали стены, пол уходил из-под ног, как палуба корабля, потолок вспучивался и опускался, пульсируя, как удав перед броском.

Юноша остановился. Конан едва не сшиб его, подхватывая шатающегося Култара. Стражники ткнулись в могучую спину киммерийца и откатились, как волна от прибрежной скалы. Теперь можно было рассмотреть оракула. Конан мысленно хмыкнул. В облике сидящего на золотом троне человека угадывалась сила — но не физическая, скорее мистическая сила. Сила духа, колдовства, сила потусторонняя. Пронзительные черные глаза смотрели изучающе и слегка насмешливо. Грифа черных, без единой седой пряди, волос обрамляла худое одухотворенное лицо фанатика. Борода была аккуратно пострижена и, в отличие от волос на голове, серебрилась сединой. Облик оракула дополнял тонкий, аристократический нос с едва заметной горбинкой и плотно сжатые, бескровные губы. Одет он был, как и положено, в мантию, ниспадающую на блестящие ступени трона.

Да, подумал Конан, оракул не из тех, кого можно встретить в тавернах или на базаре. Даже и во дворцах не часто увидишь такого человека.

— О, будущий король великой Аквилонии, — нараспев произнес оракул, — ты пришел ко мне с неблаговидными целями. Но виноват не ты. Твой спутник — мечтающий о богатстве — подбил тебя на грязное дело.

Конан застыл. Кровь застучала в висках, отдаваясь в затылке тупой болью. Как он мог узнать?! Складывалось впечатление, что он присутствовал при их разговоре в каморке над таверной, или, по крайней мере, подслушивал, припав ухом к двери. Кстати, ведь они не проверяли — может, кто-то действительно подслушивал?

Все это мигом пронеслось в сознании киммерийца, и он ответил почти сразу же:

— Твои шпионы, о, Великий Оракул, достойны самой большой похвалы!

Сидящий на троне человек рассмеялся.

— Клянусь тебе всеми моими богами, у меня нет шпионов в таверне Асланкариба!

— А в других, значит, есть? — проскрипел Култар.

— В других есть, не стану отрицать, — все еще улыбаясь, сказал оракул.

— Как же ты узнал? — спокойно спросил Конан.

Он никак не мог вспомнить, где он видел это лицо — сидящий на золотом троне человек вдруг показался до боли знакомым. Но пламя факелов металось, отбрасывая призрачные тени, и облик оракула непрерывно менялся. И все же... Все же... Не покидало ощущение, что когда-то они встречались. Но когда? Где? Где он мог видеть этого сильного и хитрого человека?

— Ах, Конан, Конан, — продолжал оракул, — видишь, я даже знаю твое имя! Пытаясь вспомнить, где ты меня видел раньше, ты даже не подумал о том, что я сказал очевидные вещи. Хочешь, я все объясню?

Конан кивнул, продолжая изучать лицо оракула.

— Ты герой, это видно сразу. Герой, не способный на неблаговидные поступки, значит, тебя подбил второй — твой коварный товарищ. Это же так просто. И еще: герои часто становятся королями, но это пока не определено... Можно предположить, что угодно.

— Но почему ты решил, что я пришел с неблаговидными целями? — объяснения оракула Конану не понравились.

— Потому, что ты ищешь сокровища. А у меня — об этом ходят легенды, и я их знаю — сокровища есть. Ты пришел разузнать, разведать.

— А как же мысль о том, что герой не может... — начал Култар, но оракул остановил его горящим взглядом.

— Мне кажется, по мнению героя, — он внимательно посмотрел на Конана, — забраться в сокровищницу к оракулу, обманывающему людей — поступок вполне достойный.

Конан кивнул. Таким образом, получалось, что оракул действительно сказал очевидные вещи. Ходят легенды о сокровищах. Конан — поскольку он герой — в общем, не хотел идти грабить оракула; его подбил Култар. Но поскольку Конан, (хоть он и герой) все же считал воровство у обманщика-оракула не слишком уж неблаговидным поступком, то он согласился на подстрекания друга и пошел разведать. Оракул обо всем догадался, хотя это было и не так уж трудно. И все же... проще было предположить, что кто-то подслушал их разговор в каморке, а затем донес оракулу и получил соответствующую плату. Но человек, сидящий на троне, выглядел вполне искренним, когда клялся, что у него нет шпионов в таверне Асланкариба. Значит?.. Значит, или умело врет — это его работа, или действительно догадался путем несложных рассуждений.

Киммериец поморщился. Рассуждения... Они всегда зыбки. Достаточно было ему — Конану — разыграть негодование или недоумение и оракул бы решил, что ошибся. Но теперь — поздно. Теперь они во всем сознались.

— Я не буду приказывать солдатам схватить тебя, Конан, — продолжал оракул, — никакого зла ты не причинил и можешь спокойно уходить. Кроме того, ты слишком многих убьешь, прежде чем тебя зарубят или схватят, а я берегу своих людей. Можешь идти, но только помни — все, что тебе рассказывал дервиш, правда! У меня в подземельях есть и вэлсы и кхэш, который сбежал и где-то бродит...

— Дервиш! — воскликнул Конан. — Ты и есть дервиш! Ты просто переоделся, нацепил бороду! Но глаза, нос... Я долго не мог понять, где я тебя видел. Но сейчас вспомнил!

Оракул рассмеялся.

— Я часто переодеваюсь, меняю внешность и брожу по городу. Рассказываю легенды, которые подогревают интерес к Великому Оракулу. После каждой вылазки в город ко мне

валят толпы желающих — не столько получить совет, сколько посмотреть, если удастся — действительно ли весь утес испещрен тоннелями, и действительно ли воют за тайными дверьми человекозвери. Ну и, наконец, не валяются ли под ногами сокровища. Они сами и несут мне эти сокровища — по одной золотой монетке, по несколько серебряных. Чем больше людей приходит, тем больше у меня денег. Когда наполняется сундук, я меняю звонкую монету на камешки и прячу драгоценный горшок глубоко в недрах земли. Так что, я никого не обманывал — сокровища есть и они в тайных комнатах. Кстати, и вы не забудьте заплатить моему помощнику, — он повел рукой в сторону юноши, — я думаю, по одной серебреной монете хватит.

Конан порылся в карманах, но нашел только медяки. Култар, шмыгнув носом, услужливо протянул две серебреные монеты подошедшему юноше.

— Прощайте, друзья, — весело сказал оракул, вертясь на троне, как мальчишка-непоседа на стуле перед началом торжественного ужина.

Вся его таинственность исчезла. Трон потускнел и оказался не золотым, а медным и вовсе не таким высоким, как показалось вначале.

Конан повернулся и пошел к выходу. Култар, сокрушенno вздыхая, семенил следом. Стражники шли, вполголоса о чем-то переговариваясь. Зал, в котором они находились, действительно оказался совсем небольшой комнатой — шагов пятнадцать в длину и десять в ширину. Вполне мог уместиться в чреве утеса.

— Кром! — бормотал Конан, нагибаясь, чтобы выйти из зала в коридор, — но как же он создал такую иллюзию? Ведь зал казался огромным.

Юноша все так же шел впереди. Скоро он открыл дверь, выпуская гостей из дома. В глазах его не было и намека на насмешку. Скорее, сочувствие.

— И все же, — сказал Конан, когда они спускались с утеса по длинной лестнице, — этот оракул — человек необычный.

— Это верно, — зачастил Култар, опасаясь гнева друга, попавшего по его, Култара, вине, в неловкое положение, — верно, оракул — личность непростая. Кто ж мог предположить, что он переодевался и бродил по городу дервишем? Но зачем он наплел нам такую длинную историю?

— А что ему еще оставалось? Ты же притащил его, как мешок с мукою! Интересно другое — он действительно был вдребезги пьян или притворялся?

— А зачем ему притворяться? — почесал голову Култар.

— А зачем ему пить в таких количествах это дрянное вино? У него что, нет хорошего? — парировал Конан.

Култар развел руками. Они спустились с утеса и неспешно шли в город. Навстречу то и дело попадались жители Шадизара, очевидно, спешащие к оракулу — знатные и не очень, в экипажах и пешком, в паланкинах, которые плавно несли чернокожие рабы, и на ослах. Люди спешили узнать судьбу, получить совет, а, главное, посмотреть — действительно ли все так, как о том рассказывают легенды.

— А если он притворялся, — продолжил мысль Конан, — значит, хотел, чтобы ты доставил его ко мне. Хотел рассказать нам свою историю. Хотел заинтересовать, чтобы мы пришли к нему.

— Ну и зачем? Вот мы пришли, ушли... и что? — Култар пожал одним плечом, и стал похож на горбuna.

— Действительно, — хмыкнул Конан, — зачем ему это было нужно? Наверное, все

проще: не думал, что это дрянное вино так подействует — напился и уснул.

Они подошли к таверне толстого Асланкариба.

— У тебя осталось еще серебро? Давай зайдем, что ли...

— Заодно проверим, можно ли так напиться этой дрянью...

Через несколько дней Култар влетел в каморку Конана, брызжа слюной от возбуждения. Киммериец все также дремал, вытянувшись на лежанке;

— Конан! Я знаю, как нам проникнуть в логово оракула!

Конан нехотя поднялся. С укором посмотрел на товарища.

— Я вот думаю, не наняться ли нам охранниками? Купец... как там его имя?.. Собирается идти с караваном в Вендию. Туда повезет какие-то побрякушки, оружие, что-то еще, а оттуда...

— Подожди! — заорал возбужденный Култар.

— Чего ждать?

— Я знаю, как... проникнуть... — под пристальным взглядом пронзительных синих глаз он стушевался, но все же, собрался с силами и закончил, — в тоннели, где оракул прячет сокровища.

Конан молчал, глядя на товарища тяжелым, недовольным взглядом. Култар решил все же высказать свою мысль до конца.

— Ходят слухи, что в окрестностях утеса оракула иногда появляется чудовище. Нападает на людей, коров и овец. Очевидцы — из тех, что остались в живых, описывают его, как помесь человека и быка. Сам огромный, тело похоже на человечье, а голова бычья. Рога и даже... даже кольцо в носу. Я думаю, это тот самый кхэш, о котором говорил дервиш... то есть оракул. Он ведь утверждал, что не врал! Говорил, что кхэш выбрался и бродит по тоннелям! Они его держали привязанным, как быка — за кольцо. Я думаю, он сумел прокопать выход и теперь появляется наверху.

— Ты хочешь найти кхэша, убить, и идти рыскать по тоннелям, вместо него?

— Ну... причем тут — вместо него? — южанин стал топтаться, как ручной медведь на базаре...

— Потому что, так и получится, — наставительно сказал Конан, — пока обойдешь все тоннели, пока найдешь... да еще и есть ли оно — сокровище? И так ли велико, как об этом говорят? Ведь легенды-то ходят со слов самого оракула!

— Но все же... Он ведь не отрицал, что сокровище есть. Что он прячет его в дальних тоннелях. Шансы, конечно, невелики, но...

— Хватит уже выглядеть идиотами! Я теперь ни за что не поднимусь с этой лежанки. Разве, что вот, охранником наняться... Вот об этом нужно подумать!

Ночь выдалась черная, как тьма преисподней. Небольшой серп луны надежно прятался за низкими тучами. В преддверии ночной бури поднялся ветер. Деревья гнулись и скрипели

соприкасающимися ветками. И в этом скрипце слышалась отчаянная жалоба духа дерева на свою нелегкую судьбу. А с другого конца рощи, прилепившейся одной стороной к утесу оракула, доносились, разрывающие душу, отчаянные крики — монотонные, похожие на стенания неприкаянной, грешной души.

В самом центре рощи, там, где вязкая темнота пульсировала, словно живое существо, сидели два человека — два воина в полных боевых доспехах, с обнаженными мечами в руках и несколькими кинжалами за поясом.

— Конан, слышишь, как кричит? Это он! Это точно он — кхэш!

— Это просто дерево скрипит, как и то, что недалеко от нас.

— Не может, ну, не может дерево так скрипеть, — шептал Култар, оглядывая окружающую их тьму.

Конан внезапно вспомнил, каким спокойным, невозмутимым был южанин в начале их знакомства. Теперь рядом с ним сутился быстрый, нетерпеливый человечек, не привыкший ждать. Что его так изменило? Жизнь, полная опасных приключений? Жажда сокровищ, богатства?

Култар, не считая самого Конана, был единственным, оставшимся в живых охранником княжны, похищенной колдуном-сатиром. Отряд стражников, во главе с капитаном Брукисом, отправился на поиски княжны. Погибли все, кроме Култара и Конана. Казалось, что это было в далеком-далеком прошлом...

Жизнь, изобилующая опасностями и приключениями, заставляет забывать прошлое. Река Времени, Река Забвения — подумалось Конану. Жизнь — это и есть та самая Река Забвения, о которой говорили легенды. Много событий питает жизнь, подобно ручейкам, стекающимся к большой воде. Но все ли запомнятся? Нет, только самые яркие, самые значимые. А река бежит, петляя меж холмов, пробиваясь сквозь заторы и заломы. Новые ручейки наполняют ее, взамен пересохших. Новые события оттесняют то, что было когда-то дорого, заставляют прошлое отдаляться, исчезать, как старое, занесенное песком русло. И люди, когда-то близкие — относятся Рекой Времени в далекое прошлое, которое едва маячит, где-то в глубинах памяти и вспоминается как старый, полузыбкий сон. Только иногда всплынет вдруг из бездонного омута дорогое лицо, промелькнет в русле, среди беснующихся волн и исчезнет, унесенное великой Рекой Забвения...

— Слышишь, Конан? Крики приближаются!

— Это просто ветер повернул в нашу сторону.

— Да нет же, нет, ветер крутит все время, а крики стали ближе! Это кхэш! Нужно быть начеку — вовремя зажечь факел. Ты разве не слышишь, как монотонны эти звуки? Живое существо редко кричит монотонно.

— Редко, но бывает. А этот зверь — самая настоящая редкость! Оракул вывел его искусственно, он один такой.

Скрипы — или, все же крики — действительно, будто стали ближе. Казалось, демоны ночи скрипуче выкрикивают проклятия всем, кто осмелился потревожить их покой. Ветер сменился мелким дождиком. Похоже, буря отменялась. Боги погоды передумали.

— Он замолчал, — зашептал Култар в самое ухо Конана, — видно учゅял нас, приготовился к броску!

— Или просто ветер стих, — пробурчал Конан, кутаясь в плащ, — мы тут промокнет до нитки.

— Слышишь, — зашипел Култар, — слышишь? Слушай! Треск сучьев под ногами!

— Этот треск я давно слышу, — недовольно отозвался Конан, — мало ли кто по лесу бродит? Медведь, например.

— Медведь в такую погоду спит где-нибудь под кустом.

Конан только хмыкнул.

— У меня факел под плащом — сухой. Наверное, зажигать надо. Ни зги не видно!

Бросится он на нас в темноте — что делать будем?

Конан молчал, и, казалось, дремал. Затем, вдруг резко выпрямился:

— С северной стороны — треск сучьев!

— Что? С северной?! Ничего не слышу. Вот тут, треск, так треск! Но, вроде, мимо проходит...

В просвете показалась бледная луна. Рваные тучи вновь пытались накрыть ее пеленой, но вечная ночная гостья умудрялась хоть одним глазом, да взглянуть на промокших воинов, сидящих в засаде в центре небольшой рощи. Видела она, как с северной стороны подбирается к ним невиданный зверь, а с южной — мимо проходит росомаха.

— Идет кто-то тяжелый, — продолжал Конан, — хруст стоит, словно слон по лесу шагает!

— Сейчас и я что-то слышу. Только далеко. — Подожди, скоро будет близко. Вот теперь, приготовь факел.

Култар зашуршал плащом. Конан встал и сделал несколько разминочных движений.

— Ты же его вспугнешь! — зашипел южанин.

— Ты разве не понял, что он идет к нам? Как можно вспугнуть того, кто подкрадывается к тебе? Это он может вспугнуть нас, но мы же не испугаемся?

— Нет, конечно, мы не испугаемся, — Култар зажег факел, но держал его в траве, опасаясь, что огонь может все же отпугнуть зверя.

— Он затаился перед броском, — спокойно сказал Конан, — будь готов в нужную минуту осветить поляну.

Треск сучьев действительно стих. Похоже, было, что чудовище остановилось, внимательно разглядывая пищу, которую не надо ни искать, ни догонять — вот она, терпеливо ждет, когда придет охотник.

Кхэш тихонько заворчал. Впереди два ненавистных существа, такие же, как и те, что мучили его в клетке. Но он сумел разогнать прутья и убежать. После этого, долго бродил по тоннелям, голодал, ловил крыс, но крысы были слишком малы, чтобы утолить голод. Иногда ему удавалось напасть на зазевавшегося стражника, прежде, чем тот вытащит меч. Но чаще приходилось довольствоваться крысами. И только теперь, когда он сумел прорыть тоннель наверх, он сможет съесть, сколько захочет. Жалкие существа, которых он ловил вечерами на дороге к утесу, не могли сопротивляться, как это делали стражники в тоннелях.

Кхэш был не лишен ума и хитрости. От человека ему передалось сознание, и он вполне осознавал себя, знал, что он — всего лишь чудовище, рожденное в результате магического эксперимента. Его научили говорить — для забавы или для чего-то еще. Стражники подолгу повторяли нужные слова и показывали предметы, этим словам соответствующие. Меч, плащ, решетка, еда, миска...

Он не мог брать пищу руками — у него не было пальцев — руки заканчивались коровыми копытами. Поэтому он ел, как животное — ртом, но миску держал руками, зажимая между копытами. А стражники смеялись и показывали пальцами. Он же не мог показать пальцем и показывал копытом. Тогда они смеялись еще больше, и он возненавидел

их лютой ненавистью чудовища.

Он знал, что родился от коровы. Помнил ее ласковый язык, соски, дарующие молоко, много молока. И уже тогда он видел, что сильно отличается от нее, что телом похож на человека, на стражника. То, что у него была голова быка, он не знал, пока не увидел свое отражение в ручье.

Но это случилось уже после того, как он выбрался на поверхность. Да, тело его внешне походило на тело человека. Но человек мал и слаб. Он же ростом вдвое превосходил самого высокого стражника, а силой — всех, сколько их ни было в тоннелях!

Он знал, что такое огонь. В клетке стражники для забавы жгли его факелами, пока он не научился выбивать их резким ударом копыта. А иногда в тоннель, где находилась его клетка, приходил сам оракул. Кхэш видел, что этот человек тут главный, видел, с каким подобострастием выслушивают стражники его приказы, как бросаются выполнять их. Он догадался, что оракул — виновник его появления на свет и возненавидел этого надменного человека так, что сам иногда пугался своей ненависти. Убить оракула стало целью его жизни, и он бродил по тоннелям в надежде найти его, убить и съесть. Да, съесть! От человека ему передалось желание есть мясо, и зубы у него были совсем не коровьи. Он прекрасно умел отрывать от тела жертвы сочащиеся кровью куски и торопливо глотать, прятать там, где никто не найдет — в своей огромной, ненасытной утробе. И сейчас он подкрадывался к двум людям, почему-то оказавшимся ночью в роще. Эти двое напоминали ненавистных стражников. Похоже, они кого-то ждали. Уж не его ли? Он предполагал, что его будут искать, чтобы убить. Его и искали — бродили по тоннелям целыми отрядами, вздрагивая и хватаясь за мечи при каждом шорохе. Так может, эти двое — сидят в засаде? Нужно подождать, посмотреть и послушать.

... — Что же он медлит? Чего он медлит? Чего? Почему не нападает?! — Култар был сам не свой от томительного ожидания.

Конан знал по себе, что нет ничего хуже, чем ежесекундно ждать нападения, которое, почему-то откладывается. Ожидание выматывает нервы, рождает неукротимое желание вскочить, орать, размахивать мечом. Но знал так же, что если поддаться — вскочить и заорать — будет еще хуже. Ибо совсем уж плохо — бросаться на несуществующего противника. В этом случае можно лишиться разума, что он и наблюдал несколько раз, когда новобранцы, не выдержав напряженного ожидания, кидались в «бой». Вскоре их крик переходил в безумный хохот, после чего они бросали оружие и убегали. Их потом видели на базарах, дико смеющихся над каждым продавцом и покупателем.

— Как это — человек с головой быка? — спрашивал Култар, став от нестерпимого ожидания слишком разговорчивым.

— Что значит — человек с головой быка? Разве так может быть? Разве может корова родить человека, пусть даже с бычьей головой? Это значит, какой-то человек любил корову, вместо женщины?

— Вероятно так, — сдержанно ответил Конан и, считая, что пусть лучше его товарищ говорит без умолку, чем вскочит и начнет размахивать мечом, добавил, — а что тебя удивляет?

— Как что? Как это что? Я знал одного такого солдата — ни одной коровы не пропускал! Но ни одна корова не родила от него человека с бычьей головой! Вообще, никого не рожала, пока не приводили ей быка!

— Не забывай, что оракул — человек не простой. Вероятно, колдун. А колдовством

можно и не такого добиться. Не зря же он нам так красочно рассказывал про свою невесту, брошенную на поругание зверю. Он действительно проводил такие опыты. И, вероятно, достиг успеха не только в случае с этим кхэшем.

— Значит... Значит, все подземелье кишит монстрами?

— Ну, они, наверное, сидят в клетках.

Конан был рад отвлечь друга от томительного ожидания атаки. Любые разговоры сейчас помогали снять напряжение.

— Но, все же, многие могли сбежать и теперь служат оракулу, как бы дополнительными, незваными охранниками сокровищ!

— Вероятно так, — кивнул Конан и замер, всматриваясь в очертания ближайших деревьев.

Неподалеку, почти сливаясь с подлеском, стояло странное существо, с телом человека, головой быка и копытами вместо пальцев. Луна освещала его бычью голову, увенчанную рогами длиной в локоть. В носу действительно поблескивало металлическое кольцо. Кхэш не делал никаких попыток напасть. Вместо этого он тихо двинулся к людям, расставив руки в стороны, вероятно, желая продемонстрировать мирные намерения. Култар поднял факел над головой и застыл в ожидании команды друга.

Теперь это был спокойный, решительный и готовый к бою солдат. Конан стоял молча, не поднимая меч, но и не вкладывая его в ножны. Выжидательно смотрел на медленно приближающегося монстра.

— Опустите факел, я не люблю свет, — чудовище с трудом выговаривало непослушным бычьим языком человеческие слова.

Култар, открыв рот и вытаращив глаза так, что они перестали выдавать его принадлежность к узкоглазым южным племенам, опустил факел.

— Ты умеешь говорить? — спросил Конан.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он, нарочито медленно, вложил меч в ножны.

— Меня учили те, кто меня кормил, — с каждым разом у него получалось все лучше, — и я слышал ваш разговор.

— Зачем ты убиваешь людей? — Конан старался говорить коротко и понятно.

— Я их ненавижу!

— Почему?

— Они создали меня чудовищем.

— Люди не виноваты. Виноват один человек, тот, кто тебя создал — оракул.

— Да, это так.

— Мы поможем тебе убить его, а ты помоги нам найти его сокровища.

— Что такое сокровища?

— Это такие блестящие камешки. Ты знаешь, где они лежат?

— Знаю.

— Тогда давай заключим союз.

— Что такое союз?

— Договоримся, что будем помогать друг другу и не убивать друг друга.

— Вы поможете мне убить оракула?

— Да.

— А я покажу вам сокровища?

— Да.

— Это и будет союз?

— Да. И еще клятва — не убивать друг друга.

— Я согласен.

Кхэш подошел и встал рядом с Конаном. Ростом он был выше почти вдвое, массивнее — в несколько раз, и силой, несомненно, обладал безграничной.

— Что мне делать после?

— После? — переспросил Конан и тут же догадался — чудовище думает о том, как жить после убийства оракула, после распада их союза. — После ты можешь... — киммериец задумался, — жить в его доме, в его тоннелях. Жители будут приносить тебе еду, чтобы ты не выходил из тоннелей и не убивал их.

— Или можешь жить в моем замке, который я скоро куплю, — встярал Култар, с восхищением осматривая могучую фигуру кхэша.

— Кто это? — огромное копыто указало на южанина.

— Это мой друг Култар. Он тоже будет в нашем союзе. Он смелый человек и отважный воин.

— Хорошо, — монстр несколько раз качнул бычьей головой.

— А теперь пойдем в тоннели, — Конан решил не терять времени понапрасну, — у тебя где-то здесь вход?

— Да, — кхэш повернулся и неловко поковылял в просвет, между деревьями. Он шел неуклюже, и, казалось, с трудом удерживал равновесие. Конана так и подмывало крикнуть — не мучайся, опустись на четыре ноги и будет легче! Култар, глядя вслед чудовищу, покачал головой:

— Похоже, он специально для нас, поднялся на задние лапы.

— Поспешим, — бросил Конан, заметив, что кхэш скрылся в темноте.

Отверстие, пробитое чудовищем, выглядело как огромная лисья нора. Разбросав копытами ветки, очевидно наваленные для маскировки, кхэш молча нырнул в темноту. Култар сунул в отверстие факел. Ни ступенек, ни зацепок. Круглая гладкая нора — катись, как с горы на санках!

— Дай-ка мне... — Конан забрал у южанина факел и, не раздумывая, скользнул в нору.

Култар немного потоптался и прыгнул, словно ныряльщик со скалы. Ход был прямой, как стрела и закончился неожиданно быстро. Конан приземлился на левую руку и тут же откатился, ухитившись не уронить факел. Из отверстия кубарем вывалился Култар, вскочил и отряхнулся, как вылезШая из воды собака. Друзья осмотрелись. Они находились в тупиковом тоннеле. Очевидно, кхэш дошел до конца и стал пробиваться наверх. Конан заметил, что у этого тоннеля потолок и стены не были выложены камнем, что и позволило чудовищу пробить выход. Собственно, это была такая же нора, только больше и горизонтально, расположенная. Култар взял факел, справедливо полагая, что у Конана обе руки должны быть свободными.

Кхэш стоял в стороне, доставая рогами до потолка. Ему даже пришлось слегка пригнуть голову, отчего казалось, что он смотрит на своих союзников с мрачной ненавистью.

Если все будет хорошо, — подумал Конан, — и если где-то здесь действительно протекает Река Забвения, нужно напоить из нее кхэша — пусть забудет свою ненависть к людям. Очевидно о том же подумал и Култар. Осторожно покашливая, он начал расспросы:

— Скажи, гм, как тебя называть-то?..

— Кхэш.

— Так и называть?

— Так и называй. Стражники так называли.

— Ну, ладно... Скажи, Кхэш, тут где-то действительно протекает река?.. Такая... с черной водой?

— Протекает. Внизу.

— А что... вода из нее... вкусная? — хитрые глазки Култара превратились в косые щелки.

— Я не пробовал.

— Почему?

— Я редко пью.

— Никогда не хочешь пить? — разочарованно протянул южанин.

— Очень редко.

Конан понял, что пора прекращать бесплодный разговор.

— Давай, Кхэш, веди нас к сокровищам.

— Вначале нужно убить оракула, — в бычьих глазах чудовища отражались беснующиеся языки пламени.

— Почему именно так, а не наоборот?

Кхэш молчал, медленно поводя рогами. Конан подумал, что, возможно, он не понял вопроса.

— Почему сначала нужно убить оракула?

Кхэш фыркнул, как буйвол на водопое.

— Вы обманите. Возьмете сокровища и уйдете.

— Ну... мы же заключили союз, — вкрадчиво начал Култар.

— Вначале убьем оракула, — упрямо повторил монстр.

— Но тогда ты можешь нас обмануть, — сказал Култар, — оракула мы убьем, а сокровища ты нам не покажешь.

— Нет, — тупо ответил Кхэш, и было непонятно — к чему относится это «нет».

Спорить с чудовищем, у которого была бычья голова и, соответственно, бычье упрямство, оказалось бесполезным.

Конан поморщился. Култар развел руками.

— Идите за мной, — сказал Кхэш, опустился, наконец, на четвереньки и поскакал по тоннелю.

Друзья едва поспевали за его взбрыкивающим задом. Бежать пришлось долго. Земляные тоннели давно сменились каменными, а Кхэш все так же стучал копытами впереди, лишь изредка оглядываясь, чтобы убедиться, что союзники не отстали. Повороты, переходы через узкие лазы-норы в другие тоннели — у Конана закружилась голова, он давно уже и не пытался запомнить дорогу. Оставалось только полагаться на верность нового союзника, ненавидевшего звериной ненавистью весь род людской.

У Култара подкашивались ноги, и даже Конан дышал тяжело, когда Кхэш, наконец, остановился.

— Впереди два поворота. За ними стражники. Затем — ход наверх, в дом оракула.

Пожалуй, впервые он сказал такую длинную фразу, и Конан подумал, что не так уж и туп их неожиданный союзник. Вполне может сообразить, что проще всего, после убийства оракула, заманить бывших товарищей в недра подземного лабиринта — якобы в поисках сокровищ — и оставить там навсегда. И клятву не нарушит — не убивать союзников — и сокровища себе оставит. Только вот, нужны ли ему сокровища? Понимает ли он, что такое эти сверкающие камешки? Станет ли ради них предавать? Да и, вообще, видел ли он их? Если он спрашивал, что это такое — сокровища...

— Сколько там стражников? — расспрашивал Култар.

— Много.

— Сколько? Два, три, десять... Сколько?

Кхэш молчал, и южанин начал терять терпение:

— Вот, у тебя четыре ноги, — он показал, — одна, две, три, четыре. Столько стражников?

В любом случае придется просто положиться на его обещание. Ничего другого не придумать.

— Больше четырех ног у стражников? — пытал кхэша вконец запутавшийся Култар.

Кхэш подавлено, а, может, с ненавистью, молчал.

— Сколько ног... тыфу ты... сколько стражников? Больше ног у тебя, чем у стражников? То есть стражников больше, чем ног у тебя?

Конан посмотрел на догорающий факел.

— Если мы не хотим остаться в темноте, нужно спешить. Придется выскочить, рассчитывая на внезапность. Может, удастся их разоружить: не хочется убивать простых солдат.

Ступая как можно тише, друзья прошли поворот и остановились перед следующим. Из-за угла, доносились приглушенные голоса. Охрана, как всегда, играла в кости. Похоже, стражников

«А почему это я решил, что клятва для него что-то значит? — продолжал размышлять Конан. Клятва значима для людей, да и то не для всех. Этот монстр может просто не понимать, что такое клятва. Но, что такое обман, он знает. Он говорил — вы обманите».

Киммериец вздохнул: было всего двое. Один с пропитым, хриплым голосом — очевидно старый солдат, другой, обладатель тонкого, юношеского голоска — вероятно новобранец. Они увлеченно бросали кости, спорили, делали ставки. Когда из-за угла вышел гигант с огромным, вороненым мечом в руке, стражники даже не вскочили с бочонков, не попытались обнажить оружие. Перед ними стояла бочка, на которой валялись кости и несколько медных монет.

Конан, не мешкая, подошел ближе и приставил острие меча к горлу старого солдата, растерянно шевелящего закрученными усами, в которых уже пробивалась седина. К юноше-новобранцу подскочил Култар и, ласково улыбаясь, прижал палец к губам — молчи, а не то...

Меч в его руке был не таким огромным, как у Конана, но выглядел также весьма впечатительно.

— Где оракул?

Конан посмотрел на новобранца, ожидая, что тот окажется менее стойким, нежели старый солдат. Юноша молчал. На его почти девичьем лице разлилась смертельная бледность, но глаза смотрели спокойно и даже с некоторым вызовом.

— Оракул у себя, — ответил «старый солдат» неожиданно тонким голосом, и Конан, приглядевшись, увидел, что перед ним типичный обжора, растяпа и размазня. Такие были в любой армии и служили, как правило, при кухне или в обозе.

— Сколько человек его охраняют?

— Не говори! — крикнул юноша басом и Конан признал в нем, хоть и молодого, но смелого и мужественного воина.

— Да что он мне? Родня, что ли? — обиделся «размазня».

— Вот это верно! — вставил Култар.

— Пойдете направо, там, у двери стоят двое — сдадутся, как только увидят твой меч! А вот, дальше, у второй двери — четыре человека — с ними придется повозиться. Ну а в доме оракула охраны нет.

— Предатель! — ломающимся голосом пробасил юноша и сплюнул.

Конан взял новый факел из связки, лежащей у стены, и дал знак Култару. Тот ловко связал обоих воинов, рты заткнул кляпами, помедлил, раздумывая, затем собрал с бочки кости и сунул в карман.

— Чтобы не играли во время несения службы, — пояснил он ухмыльнувшемуся Конану.

Кхэш только теперь вышел из-за поворота и Конан понял, что он смертельно боится мечей. Это следовало взять на заметку. Связанные солдаты вытаращили глаза и замычали, пытаясь разорвать веревки.

— Наш друг не будет вас убивать, — сказал Конан и, повернувшись к чудовищу, спросил:

— Так ведь?

Кхэш фыркнул, и было неясно — согласен он или нет. Косясь испуганным глазом на мечи союзников, он потопал вперед по коридору.

— Как бы не наделал шуму раньше времени, — озабоченно сказал Култар, устремляясь следом.

Конан медлил.

— Где оракул прячет сокровища? — он вынул кляп у старшего охранника.

— Мы не знаем... Говорят, где-то у самой реки, в пещере.

— Эта река — она что? Действительно... если выпить воды — все забудешь?

— Так говорят, — стражник был рад услужить великодушному воину, который только что подарил ему жизнь, — говорят, но никто из нас не пробовал.

Конан вернул кляп на прежнее место и зашагал по тоннелю. Как он и думал, у очередного поворота его ждали Култар и кхэш, знаками призывая не шуметь. Киммериец едва не захохотал: уж если кому и следовало производить меньше шума, так это им.

Из-за угла доносились голоса. Конан покачал головой. Какой идиот расставлял посты? Стража за углом — просто счастье для нападающих! Как и в прошлый раз, он вышел, поигрывая мечом. Через несколько секунд и эти стражники были связаны. Ключ от двери был в кармане одного из охранников — еще одна глупость. Оставались, по словам «старого солдата», четыре воина у вторых дверей. Но, как ни странно, вторая дверь не охранялась вовсе. Более того — была призывано распахнута. Ловушка? Конан осторожно заглянул внутрь. Уходящая вверх лестница и дневной свет. Значит, они уже в доме оракула. Но почему нет охраны? Бесшумно ступая, Конан скользнул вверх по лестнице. За ним крался Култар. Кхэш остался где-то позади. Лестничная площадка, окна, забранные решетками и... никакой стражи. Все это не вписывалось в легенды о том, что дом оракула охраняется, как королевский дворец. Конан прошел по коридору, открыл одну дверь, вторую — никого.

В следующей комнате сидели две седые заплаканные женщины безобразного вида. Старухи походили друг на друга, как две капли воды. Молча, они указали на дверь, ведущую, судя по всему, в спальню.

Киммериец вспомнил рассказ «дервиша». Да, перед ним явно сидели две красавицы — Алкунса и Инирга. Значит, не так уж и обманывал оракул.

Конан медленно вошел в спальню. Перед ним, на широкой кровати под шелковым балдахином, лежал тяжело больной человек. Ввалившиеся глаза лихорадочно блестели, заострившийся нос выдавал приближение смерти. Спутанные, когда-то черные а теперь пегие от седины волосы, торчали клочьями.

Оракул походил на того дервиша, который рассказывал занимательные истории в каморке над таверной, только теперь уже ему не требовался грим.

— Я знал, что мы встретимся, Конан, — прохрипел больной, — и знал, что эта встреча будет перед моей смертью. Ты пришел убить меня.

— Убить тебя пришел другой... Но теперь я не позволю ему это сделать.

В спальню вошел Култар, за ним, пригнувшись, кхэш. Он вновь поднялся на задние ноги и теперь неумело балансировал у кровати того, кого он так мечтал убить.

— Конан, — с трудом продолжал старик, — послушай. Я — виноват. Я обманул тебя. У меня нет сокровищ. Да, мне несли деньги, но я все тратил на эксперименты... Колдовское зелье стоило дорого, а сам я не умел его приготовить. Для этого нужно быть колдуном, а я, всего лишь... оракул. Все, что у меня есть, Конан, лежит тут в спальне, вон в том ящике. Там всего лишь медь и серебро. Остальное потрачено. С трудом оторвав голову от подушки, он показал на небольшой, окованный железом сундучок, сиротливо стоящий в углу.

— А что теперь делать мне? — спросил кхэш, и старик, взглянув в его налитые кровью бычьи глаза, заплакал.

— Я виноват... виноват... Ты можешь убить меня... Я мечтал вывести сверхчеловека, а выводил только чудовищ.... Недавно, чувствуя приближение смерти, я прекратил эксперименты... Все, кого я вывел, погибли. Ты остался один и теперь, как высший судья, можешь вынести мне приговор. Хотя... приговор уже вынесен судьбой — я

умираю в страшных муках... Сейчас, когда я говорю с вами, меня гложет изнутри ужасная болезнь, приносящая немыслимые страдания, и если ты размозжишь мне голову копытом — принесешь долгожданное облегчение.

Старик без сил откинулся на подушку. Его хриплое дыхание перемежалось громкими стонами.

— Так что мне делать? — повторил кхэш.

Несчастный умирающий старик очнулся и с трудом приподнял голову. Долго смотрел на созданное им чудовище, будто не понимая, кто перед ним. Потом взор его прояснился и он прошептал:

— Ты будешь жить тут, в лабиринте... Тебе будут приносить пищу... А Конан или его друг, могут занять мой дом... Я составил дарственную... вот, — он повел рукой, показывая на свиток, лежащий на изящном резном столике, — Конан позаботится о том, чтобы ты не голодал... Хотя... я вижу — он не захочет тут жить... Тогда...

— Тогда здесь жить буду я, — закончил Култар и Конан молча склонил голову.

— Хорошо, — прошептал старик, — ты искупишь мой грех по отношению к... к этому несчастному...

— Значит, сокровищ, нет, — грустно подытожил Конан, — а скажи, — в его синих глазах

вдруг мелькнули веселые искорки, — там, внизу действительно течет Река Забвения?

Старик попытался засмеяться и закашлялся.

Затем, с трудом разлепив сухие губы, прошептал:

— Река Забвения — это жизнь...

Он откинулся на подушку, и глаза его остановились, а дыхание исчезло. В спальне повисла долгая тишина. Конану показалось, что над кроватью промелькнула небольшая прозрачная бабочка. Култар, похоже, тоже что-то заметил — смотрел внимательно и с прищуром. Трепещущее нечто через миг вылетело в окно и исчезло, подхваченное ветром.

— Ну что же... похороним его на утесе, за оградой, — нарушил молчание Конан и повернулся к Култару — согласен тут жить?

— Согласен, — ответил южанин и вздохнул, — может, объявить себя новым оракулом?

— И не пытайся, — усмехнулся Конан, — разоблачат сразу же. Что ни говори, а этот старик был не простым... оракулом.

— Да, — Култар вздохнул совсем уж тяжело, затем вдруг просиял, — я объявлю народу, что нужно нести дань, иначе кхэш будет выбегать по ночам и есть всех, кого встретит! А раз в год пусть приводят мне для принесения в жертву чудовищу самых красивых девушек! А я уж сам решу, что с ними делать.

Конан махнул рукой:

— Объяви, что хочешь, но помни, что умирающий возложил на тебя заботу о нашем союзнике.

Все это время кхэш стоял молча, глядя на мертвого старика, создавшего его чудовищем. Какие мысли бродили в его бычьей голове? Какие чувства обуревали? Гнев, ненависть? Может, жалость? Ведь создатель — это как отец. Только что, у него на глазах умер отец.

— Я буду приходить за едой. Оставляйте ее за дверью. Мне нужно полбочки мяса. Вода всегда пусть стоит в бочке рядом. Я не хочу пить из реки. Не хочу все забыть.

Култар понимающе кивнул, а Конан подошел и коснулся ладонью копыта чудовища в символическом пожатии.

Кхэш повернулся, опустился на четвереньки и медленно вышел из спальни.

Ник Харрис

А знаешь ли ты, друг мой Дриан, что такое настоящий страх? — спросил колдун Эскиламп, испуганно озирающегося по сторонам, чернокожего мальчика.

Они сидели у костра, глухой ночью, посреди необъятной степи, а над ними широко раскинулось черное небо, усыпанное мерцающими звездами. Поодаль, завернувшись в одеяло, мирно похрапывал Конан, по многолетней привычке положив меч под правую руку. Рядом сопел во сне гном Хепат. Что-то бормотал, иногда тяжко вздыхал и постанывал. Видно одолевали его нелегкие сны.

Четверо товарищей — таких непохожих друг на друга и потому сдружившихся — возвращались из страны Куш, где им выпала трудная миссия по уничтожению опасного талисмана. С успехом справившись с заданием и всласть попировав во дворце красавицы-вдовы Итилии, друзья неспешно продвигались в направлении Заморы, где в славном городе Шадизаре, Конан с Хепатом собирались продолжать пиршество до тех пор, пока не кончатся деньги. А так как денег благодарная Итилия насыпала друзьям полные сумки, впереди их ожидали очень веселые дни и ночи. Хепат, правда, собирался еще купить дом и жить в довольстве и покое, но Конан знал, что эти благие порывы рассеются, едва гном доберется до кружки с хорошим вином.

Чернокожий мальчик Дриан — уроженец страны Куш — собирался стать учеником волшебника Эскилампа. И поэтому тренировал способность преодолевать страх. А страхов колдун нагонял на будущего ученика великое множество. Каждую ночь, дождавшись, когда уснут бесстрашные Конан с Хепатом, Эскиламп начинал рассказывать невероятные, повергающие в ужас истории из жизни — своей, покойного наставника и разных знакомых, которых у колдуна было так много, что, казалось, он знал по именам всех жителей цивилизованных стран.

— Так знаешь ли ты, что такое настоящий страх? — повторил колдун испуганному мальчику, — ужас, который заставляет тебя цепенеть, чувствуя, как волосы, сами по себе, шевелятся на голове? Как стекают за воротник струйки холодного пота? Как желудок превращается в глыбу льда? Приходилось ли тебе, подыгрывая от леденящего ужаса, чувствовать приближение существа, настолько чужого, с такой темной душой, что все попытки понять его действия, заранее обречены на провал?

Мальчик, сжавшись в маленький, тугой комок, даже не пытался что-то ответить. Лишь испуганно сверкал белками, бросая по сторонам взгляды, полные ужаса.

— Когда я был молод, — продолжал Эскиламп, — и только-только поступил в ученики к великому магу Акциону, мне пришлось пережить подобный ужас. Учитель заставил меня провести ночь в пещере мертвцев. По его словам, это было необходимо для проверки мужества. Но не мертвцы испугали меня чуть не до смерти... Нет, там было нечто...

— Расскажи по порядку, — прошептал Дриан, — с самого начала...

Колдун бросил взгляд на спящих товарищей, поворошил дрова в костре — не волшебном, самом обычном, с сухим хворостом и толстыми поленьями.

Растревоженный огонь сердито вскинулся, выбросил сноп искр, но быстро успокоился,

со всех сторон теснимый чернотой летней ночи.

— Мой учитель Акион, — начал рассказ Эскиламп, — в ту пору копил духовную мощь и поэтому жил один в горах. Одиночество и созерцание — необходимые условия развития личности. Вокруг, на несколько дней пути — ни одного селения. Я долго искал пещеру великого отшельника, а когда, наконец, нашел, был поражен силой и мудростью человека, жившего в ней. Это потом Акион стал склоняться к злу... А в то время... Словом, был он мудрейшим и благороднейшим из смертных. Уступая мольбам, он согласился взять меня в ученики. Смущало непременное условие — проверка храбрости — ночь в «Пещере мертвцевов».

Скверная молва ходила про эту пещеру. Обширная, имеющая множество разветвлений, несколько уровней по высоте, она была идеальной ловушкой для неопытных старателей. Множество людей сгинули в ее лабиринтах. И, по легендам, в одном из гротов пещеры были непонятной силой собраны мертвцы — мумии.

Неизвестно, как, отчего умерли эти люди, но природа, или что-то другое, сохранила их нетленными, и неусыпно стерегли они покой хозяина — главного обитателя подземного лабиринта.

Акион рассказал, как добраться до места и попросил, в качестве доказательства, принести один из красных камешков, во множестве рассыпанных в пещере. Подозревая, что эти самые камешки он рассыпал специально и только в той пещере, где покоятся трупы, я молча кивнул и отправился в путь.

Всю дорогу я не мог выбросить из головы слова учителя о том, что это ужасное испытание многим оказалось не по плечу. Вообще, исподволь расспрашивая Акиона, я выяснил печальную судьбу его учеников. Несколько человек тронулись рассудком именно во время этого, первого испытания. Других съели чудовища, охраняющие спуск в нижние пределы. Это являлось последним, самым трудным испытанием учеников великого волшебника. Еще несколько человек сами отказались от такой чести — спускаться в преисподнюю, рискуя жизнью. Из них вышли колдуны-недоучки, позорящие профессию.

Забегая вперед, скажу, что я, кажется, единственный, кто остался в живых и не сошел с ума после всех испытаний.

И теперь имею право носить кинжал учителя — талисман огромной силы, позволяющий менять судьбы мира.

Вход в пещеру был небольшим и почти скрытым зарослями жесткого кустарника. Оставив на колючках часть одежды, я пробрался к узкой расщелине, на миг задержался, вздохнул и на четвереньках полез под землю. Через несколько метров лаз расширился, и я смог выпрямиться во весь рост. А еще через сотню метров своды пещеры почти потерялись в темноте, а стены раздвинулись, образуя довольно широкий тоннель. Стали появляться боковые ответвления, тоннели, низкие, круглые ходы, наподобие нор.

К счастью, учитель подробно рассказал, как выйти к нужному месту, и я двигался довольно быстро, и не сбиваясь. Факел мне уже тогда не требовался, ибо первое, что сделал Акион — это научил меня заклинанию, заставляющему светиться воздух вокруг тела колдуна. И я двигался, окруженный ореолом света и преисполненный решительности довести дело до конца, чего бы это мне ни стоило.

Пещера была фантастически красива. Я всегда умел видеть прекрасное, будь то скульптура, картина, или природное явление. И, шагая по залам «Пещеры мертвцевов», я не уставал любоваться радугой цветных сталактитов, свисающих со сводов, будто оригинальные

люстры, которые зажжет хозяин замка, как только начнется бал.

Вспомнив, таким образом, о хозяине, я слегка сбился с шага, затем остановился и присел на камень. Не хозяин, а хозяева... Любуюсь красотами, я совсем забыл, куда и зачем я иду. Вспомни, вспомни название этой пещеры, будто кто-то нашептывал мне на ухо. Ты идешь к мертвцам, идешь потревожить их покой, а они этого не любят... И грот, где обитают страшные хозяева пещеры, уже близок! Они знают о твоем приближении! Они готовятся встретить тебя!

Помотав головой, я попытался избавиться от странных, ненужных мыслей. Разыгралось воображение? Или кто-то сумел внедриться в мой мозг? Может, это учитель нагоняет страх, чтобы испытание не выглядело утренней прогулкой? Или кто-то другой? Но кто? Мертвцы, даже если они каким-то образом не совсем мертвы, вряд ли могут забираться кому-то в мозги...

Так я впервые соприкоснулся с настоящим хозяином пещеры... Точнее, это он слегка прикоснулся к моему сознанию...

Сделав несколько дыхательных упражнений — а воздух в пещере был на удивление свеж — я решительным шагом двинулся дальше. Продолжая на ходу проделывать специальные упражнения, я почувствовал прилив сил и храбрости. До нужного грота оставалось совсем немного.

«Ну и что мне трупы? — думал я, ритмично дыша. — Ну, мертвцы... Как они, кстати, оказались все в одной пещере? Пришли, еще будучи живыми или?..»

Сейчас я, конечно, вижу, что совершил ошибку, начав размышлять о мертвцах... Следовало лучше контролировать свои мысли — думать о чем-то отвлеченном, не позволяя ненужным, в данный момент словам, всплывать в памяти. Ибо слова имеют огромную силу! Они могут внести успокоение, придать сил, наполнить сердце отвагой, но могут и напугать, ввергнуть в пучину ужаса, даже убить в определенной ситуации. Как раз в такой, в которой находился я.

Мне следовало, вообще, меньше рассуждать. Пришел, держа в строгой узде мысли и эмоции, взял камешек и удалился. А мысли о мертвцах, которые по своей — или не по своей воле — собирались в одном гроте, не способствовали укреплению духа.

Скоро красоты пещеры для меня померкли — в голове крутилось одно: кто собрал всех мертвцов в одном гроте? Ведь, скорее всего, эти люди умирали, заблудившись в лабиринтах пещеры, по одному, в крайнем случае — по двое? А в гроте, куда я направлялся, по слухам, сидели и лежали, будто отдыхая, несколько десятков мумий. Значит, кто-то... какая-то сила... заставила трупы двигаться в нужном направлении.

Так я логически пришел к выводу, что в лабиринте пещер на самом деле хозяйничают не мумии. Вырисовывалась некая сила, способная заставить трупы двигаться, собравшая их в одном месте. Конечно, логика моя была безупречна, но, повторяю, зря я стал думать в тот момент о мертвцах.

Скоро я начал беспокойно озираться по сторонам. Временами останавливался и прислушивался. Казалось, к гулкому эху шагов, добавились еще какие-то звуки... Крадущиеся, шаркающие шаги... Хихиканье... Злобное фырканье... Но, прислушиваясь, я неизменно убеждался, что нахожусь в пещере один. Если не считать тех... которые ждут меня в гроте...

Находя ориентиры, указанные учителем, я постепенно приближался к нужному месту. Возможно, мне показалось, но только вид тоннелей и залов, по которым я пробирался,

становился все более мрачным. Сталакиты теперь безжизненно висели простыми, бледными сосульками. Совершенно исчезли краски, так радовавшие меня вначале, все стало серым и монотонным. Не сверкали более стены вкраплениями кварца, не переливались спектром концы сталактиков и сталагмитов. Мертвенная бледность разлилась по стенам тоннелей.

Чувствуя внезапно накатившую усталость, я вновь присел на камень. Ореол мой потускнел, и постепенно со всех сторон стала наступать темнота. Решив, для укрепления духа, вновь проделать дыхательные упражнения, я сам испугался издаваемых носом звуков и долго потом сидел, прислушиваясь и взглядываясь в темноту. Казалось, меня обступают смутные, едва различимые тени.

Зловеще усмехаясь, что-то шепчут друг другу, ждут наступления полной темноты...

Действительно, подумал я, что будет, если действие заклинания сейчас закончится? Я ведь даже не захватил с собой огниво... А если бы и захватил — что тут может гореть? Следовало бы взять с собой и факел... Но как бы посмотрел тогда на меня учитель? Ученик колдуна, который не верит в силу заклинаний? Кому он нужен, такой ученик?..

Свет совсем померк. Необходимо было вновь громко и звучно прочитать заклинание. Но я не мог... Просто не мог нарушить ватную тишину, превратившую меня в жалкий, дрожащий студень. Я знал, что пришел в зал, откуда отходят три небольших тоннеля. Средний — ведет в грот мертвцев. Именно там раскидал учитель красные камни. И туда мне надлежит отправиться... Вот, только, немного бы отдохнуть, еще посидеть, послушать — не раздастся ли звук шагов, не выйдет ли кто, из среднего тоннеля... Нет, я заскрежетал зубами, нельзя сейчас думать об этом! Мертвцы пытаются страхами!

Я набрал полную грудь воздуха и приготовился прочесть заклинание. Но словно чья-то костлявая рука протянулась и сдавила мне горло, из него вырывались только жалкие, надсадные хрипы. Свет исчез. Я оказался в полной темноте. Она навалилась, как медведь на неудачливого охотника, лишила меня остатков мужества... Кажется, я закричал, забился, словно пташка в сетях птицелова. Мне виделось, что я тону в глубоком омуте, нечем дышать... вот-вот холодная, воняющая тиной вода, хлынет в горло... А вокруг уже явственно перешептывались тени, злобно хихикали, хватали за одежду, дергали, толкали...

Не смелость, не мужество помогли мне тогда. Отчаяние! Последний всплеск эмоций перед смертью! Я заорал так, что эхо буквально обрушилось на меня со сводов пещеры. Но это был не крик ужаса... Точнее, крик не только ужаса. Он порождал силу. Великую силу отчаяния! Я вскочил и громким, четким голосом стал читать заклинание. И вспыхнул вокруг меня свет! Шарахнулись тени, и я четко проследил, что исчезли они именно в среднем тоннеле. Там, куда лежал путь мой.

Мурашки ползали по спине, волосы стояли дыбом, свет, рожденный силой отчаяния, пульсировал от переизбытка энергии — я бежал с криком, с рычанием к нужному тоннелю. Прибежал. Ворвался в грот, ожидая увидеть, кого угодно... но небольшая пещерка была пуста.

Как вкопанный, тяжело, надсадно дыша, я растерянно стоял посреди грота, затравленно озираясь. Никого! Разве можно было такое представить? Потоптавшись, я медленно побрел вдоль стены. Вскоре обошел всю пещеру. Может, я забыл указания учителя и пришел не туда? Но нет — повсюду виднелись красные камешки. Я поднял один — непрозрачный осколок кровавого цвета. Ничего особенного, не драгоценность, но камень довольно редкий. На протяжении всего пути по пещере я таких не встречал. Значит, место то самое... И какого демона учителю понадобилось морочить мне голову?! Хотел запугать? Посмотреть, как я

выйду из этой ситуации? Послушать, что я расскажу? Вместе посмеяться над шуткой?

Утерев рукавом холодный пот со лба, я облегченно вздохнул, чувствуя, как покидает меня напряженность, не отпуская меня с тех пор, как я переступил порог пещеры. После взрыва энергии наступила апатия. Я сел прямо на землю, сгреб столько камешков, сколько смог, и рассеянно стал перебирать их на ладони. Хорошие, красивые осколки большого камня красного цвета... Вероятно, Актион, специально раздробил подходящий камень... Для этого нужно знать подходящее заклинание. Не слишком сложное... Итак, мой учитель оказался шутником? Веселым любителем розыгрышей? Как-то не похоже... И, кроме того, кто же перешептывался в темноте? Кто дергал меня за одежду? Неужели все это — лишь игра расстроенного воображения?!

Внезапно потянуло ветерком. Пропитанная потом одежда неприятно холодила. Откуда здесь сквозняк? Ведь грот не имеет второго выхода... Или, все же, имеет? Может, небольшое отверстие?.. Я поежился и плотнее затянул пояс.

Еще одна мысль не давала покоя — я ведь довольно ясно видел, как шарахнулись в средний тоннель тени... Опять воображение? Но я никогда не был настолько эмоциональным человеком... Веселым, смешливым — да! Но не тем, кто представляет повсюду разные ужасы...

Ветерок тянул понизу и я окончательно закоченел.

«Сидеть на земле в юности — мучится поясницей в старости», — так говорил мой дед.

Поднявшись, и сделав несколько разминочных движений, я заметил у стены подходящий камень. Присел и подумал — не занимаю ли я чужое место? Множество подобных плоских камней были расставлены вдоль стенки пещеры.

Как там говорилось в легендах? Сидят в пещере мумии и ждут... Сидят — на камнях, очевидно, на чем же еще тут сидеть?..

И еще одна неприятная мысль меня посетила в то время. Мне подумалось, что вот я, один в недрах горы, где-то в глубине обширной пещеры, и нет рядом ни одной живой души... Ни одного человека. Я один... И невозможно даже мысленно измерить высоту горы надо мной...

Но нет, похоже, не один я в этом подземном лабиринте... Кто-то же расставил камни...

Я вскочил и прислушался. Тишина звенела. Полное отсутствие звуков рождало тихий, жалобный звон в ушах. Необходимо было, как можно скорей выбираться, захватив в качестве доказательства, пару красных камней.

Сунув руку в карман, я, с безмерным удивлением, заметил, что он уже полон. Более того: все карманы были до отказа набиты красными камешками. Когда это я успел? Мысли понеслись вскачь. Я это чувствовал и ничего не мог с собой поделать. Не мог взять себя в руки. Я решительно не помнил, когда набивал карманы камнями. Наоборот, четко вспоминалось — покатав на ладонях, я высыпал их на землю и отряхнул руки. Все же, камни были пыльными...

Сосредоточившись, я заставил себя успокоиться. В голове немного прояснилось. Возможно я, неосознанно, думая совсем о другом, собирая камни. Но, ведь мне требовалось не более одного-двух... Я стал выгребать горстями из всех карманов и высыпать красные осколки.

И увидел кольцо... Массивное, серебряное кольцо с печатью. Будто соскользнуло оно с чьего-то усохшего пальца и, вместе с камешками, осталось в кармане.

В голове вновь помутилось. Мной овладела самая настоящая паника. Я, будто бежавший

с поля боя трусливый воин, дрожал так, что стучали зубы.

Кто-то — ясно, кто — набивая камнями мои карманы, случайно оставил, соскользнувшее с пальца, кольцо. Но это значит... Это значит, что пещера, где я находился, полна невидимыми мертвецами! Может ли труп быть невидимым? А может ли труп ходить? Может ли сражаться, как те зомби, с которыми мы недавно бились? Колдовство вполне может сделать их невидимыми.

Я озирался по сторонам, часто и с присвистом дыша. Бежать! Это мысль билась в голове, как выброшенная на берег рыба. Бежать! Но ноги будто вросли в землю. Обливаясь потом, дрожа, я не мог сдвинуться с места. И услышал смех — не гнусное, мерзкое хихиканье, которое слышалось раньше, когда померк свет. Нет — громкий хохот. Кто-то невидимый от души веселился, наблюдая за моим испугом. И это придало мне храбрости. Я не буду доставлять ему такое удовольствие! Огромным усилием воли я взял себя в руки. И он стал проявляться... А вслед за ним и другие...

Пещера постепенно наполнялась мертвецами. Высохшие, с провалами, вместо глаз, с высунутыми, иссохшими языками, покерневшие, они стояли, окружив меня плотным кольцом. Я чувствовал — еще немного и ноги откажутся служить мне. И тогда я призвал на помощь злость! Ярость! Я возненавидел мертвецов, я взвинчивал себя, как берсерк перед сражением. Да кто они такие?! Жалкие, высохшие мумии! Как смеют они смеяться надо мной — учеником волшебника?! Учеником я еще не был — только кандидатом, но это не имело значения. Эти жалкие останки позволяют себе надо мной смеяться?!! Думают, что напугали?!

Спокойно, насколько это представлялось в тот момент возможным, я сказал:

— Ты обронил кольцо, возьми его!

И рука моя почти не дрожала, когда я протянул мертвецу серебряную печатку.

Гул одобрения пронесся по рядам, окруживших меня зомби. Главный — тот, что носил кольцо — одобрительно кивнул и принял его из моих потных рук. Надел на высохший палец. Сделал неуловимый знак, и его подданные расступились,

— Иди к своему хозяину, смелый юноша, — прокрежетал мертвец, — ты будешь хорошим волшебником... Возможно, лучшим из всех, ныне живущих... Не забудь взять пару камней.

Он протягивал на коричневой, ссохшейся ладони два красных осколка. Не дрогнувшей рукой я взял камни, на миг ощущив могильный холод его ладони.

— Иди, — продолжал верховный, — но не останавливайся, что бы тебе ни чудилось. Возможно наш хозяин, попытается тебя остановить... Не бойся. Он вряд ли станет причинять тебеувечья... Немногое попугает... Но если ты остановишься — это будет говорить о твоей нерешительности и тогда он не позволит покинуть пещеру...

Поблагодарив, я повернулся и двинулся к выходу. Только спустя несколько суток до меня стала доходить вся дикость этой сцены — одобрение мумий, напутствие главного зомби... А в тот момент все казалось вполне естественным. Страх почти прошел. И я твердым шагом, под одобрительный говор трупов, прошествовал к выходу. Обратный путь всегда бывает короче. Но на этот раз он показался мне в сто раз длиннее. Прежде всего, навалилась непонятная тревога. Я шел и мучился. Казалось, учитель обманул меня — послал на верную смерть, для того, чтобы не брать в ученики. Что будет теперь — когда я вернусь целый и невредимый? Не захочет ли он избавиться от меня другим путем? Да и вообще, захочет ли меня видеть?

Я собрался, было присесть и обдумать этот вопрос, но вовремя вспомнил предостережение главаря мертвецов. Нужно идти. И тут послышался благостный старческий голос. Где-то рядом стоял измученный трудным переходом старик и просил о помощи.

Но как я ни вертел головой, как ни старался увидеть немощного путника — его не было. Я шел, не сбавляя темпа, и во вслед мне неслась проклятия оставленного без помощи старика. Это все игры хозяина зомби, твердил я себе, это щитит некое существо, обитающее в пещерах.

На моем пути из темноты внезапно выдвинулся огромный паук. Это была мерзкая, покрытая слизью тварь, размерами с круглый обеденный стол в хорошем, просторном доме. Только этот «стол» непрерывно копошился, перебирал лапами с кривыми крючками на конце, издавал удущливое зловонье и явно готовился к атаке.

Инстинктивно я схватился за кинжал. В те времена я носил простой, незатейливый клинок, не дорогой, без драгоценных камней на рукоятке и ножнах, а выкованный из хорошей стали, он не раз спасал мне жизнь. Нельзя останавливаться, этот паук, скорее всего, иллюзия, попытка запугать меня, заставить остановиться в нерешительности!

И все же... все же, он был так реален, этот огромный, вонючий паук. С диким криком, размахивая кинжалом, бросился я в атаку, Думаю, будь это чудовище настоящим, смерть моя была бы крайне мучительна. Паук исчез, как только я занес кинжал для удара, но вонь... вонь осталась. И тут началось самое страшное.

Я каким-то образом почувствовал рядом присутствие некоего существа. Некто невидимый, но крайне неприятно пахнущий, шел рядом. Просто шел... Я даже слышал шуршание его шагов. Его дыхание... Невидимый хозяин пещер — могущественное существо, способное, конечно же, умертвить меня в один миг. Но он ждал... Он просто шел рядом. Возможно, наблюдая за моей реакцией. И ужас, который я почувствовал в этот момент не шел ни в какое сравнение со страхами в пещере мертвецов. Тело мое стало деревянным, ноги окостенели. Каким-то образом, я умудрялся продолжать движение, хотя ног не чувствовал. Противными холодными ручейками сбегал по спине пот.

Воздух с трудом проникал в легкие, несмотря на то, что я часто и шумно дышал. Невыносимо кружилась голова, но я шел. Спотыкался, чуть не падал, но продолжал переставлять онемевшие ноги.

И мыслей моих коснулось мерзкое, чужое, холодное щупальце. Он копался в моей голове, как скряга в сундуке с золотом. Он изучал меня, он спрашивал о чем-то и тут же получал ответы, он разобрал по кусочкам мою личность, проанализировал и сложил в прежнем порядке. Эта пытка, казалось, продолжалась тысячелетия. Я потерял представление о времени и пространстве. Я плыл среди тусклых звезд... Я барабанился в мутных водоворотах желтой, вонючей реки и не мог выбраться. Я задыхался, бился в конвульсиях, я плакал, кричал от нестерпимого ужаса... и все же я шел. Не останавливался.

И настал момент, когда он сказал:

— Ты будешь хорошим волшебником. Я дам тебе силу. Ты единственный, после Актиона, кому я даю силу.

Страх исчез, но пришла боль. Каждый сустав выворачивался, каждая косточка ныла, голова лопалась, а грудь разрывалась от боли.

Я кричал и шел. Сколько продолжалась эта пытка — неведомо. Время опять исчезло. Похоже, что весь обратный путь я проделал в сопровождении повелителя пещер и, корчась от невыносимой боли.

Шатаясь, выбрался я на свет и рухнул на камни. А когда пришел в себя — радостно засмеялся, ибо почувствовал в себе такую силу, что мог, казалось, одним взглядом, одним усилием воли перевернуть гору. Я запрокинул голову и издал воинственный клич. Затем поспешил к учителю. Мне не терпелось поскорее овладеть наукой колдовства...

Вот так, мой молодой друг, Дриан, я получил силу, которая не раз выручала меня в трудную минуту.

Эскиламп встал, потянулся и протянул ладони навстречу занимающейся заре.

— Так ты, наверное, сильней Конана? — испуганно спросил Дриан.

— Нет, друг мой, — засмеялся волшебник, — сила, которую дал Повелитель пещер — не физическая. Это особая духовная мощь, позволяющая мне, например, управляться с кинжалом — древним колдовским артефактом. Любой другой будет им уничтожен.

— То есть, увидеть твою силу нельзя? Ты не сможешь, — мальчик повертел головой, — поднять, к примеру, вон тот камень?

— Не смогу, — снова рассмеялся Эскиламп, — но я мог бы расколоть его на несколько кусков с помощью заклинания.

— А Конан сможет его поднять и забросить подальше! — с гордостью сказал Дриан.

— Камень-то слишком большой... — притворно усомнился колдун.

Дриан бросился тормошить Конана.

— Просыпайся! Солнце встает! А ты можешь поднять вон тот камень?

Киммериец заворчал, как рассерженный медведь. Рядом заворочался Хепат.

— За каким демоном мне его поднимать, этот камень? — Конан заразительно зевнул. Заnim — Хепат, а следом и Эскиламп.

— Ты должен поднять его! — настаивал мальчик, — а то он сомнева... — Дриан понял, что волшебник просто пошутил. Конечно, Конан сумеет его поднять.

Хепат распаковал сумки с нехитрой походной снедью. Нарезал хлеб и копченое мясо. Не успев до конца проснуться, схватил приличных размеров кусок и, с ворчанием, впился в него зубами.

Конан встал, потянулся так, что хрустнули кости, подошел к камню и, усмехнувшись, поднял его одной рукой.

— Ух, ты! — закричал Дриан. — Если я буду каждый день тренироваться, я смогу стать таким же сильным?

— Ты же хотел стать учеником волшебника? — проворчал с набитым ртом Хепат.

— И волшебника тоже... — растерянно сказал мальчик.

Хепат успел набить утробу, и был настроен добродушно.

— Перед тобой нелегкий выбор, мальчик, — начал он, назидательно подняв скрюченный палец, — два пути и два человека! Каждый — великий мастер в своем деле! Достойнейший пример для подражания! Ты должен выбрать...

Конан и Эскиламп давно покончили с завтраком и принялись седлать лошадей, а гном все поучал заскучавшего вдруг Дриана.

— ... и каждый из этих достойнейших может взять тебя в ученики! Цени это!

— Я учеников не беру, — пробурчал Конан, подтягивая подпругу.

— А я, вначале должен проверить есть ли у кандидата в ученики способности, — добавил Эскиламп.

Хепат крякнул и стал торопливо собирать седельные сумки.

Этот день путешествия ничем не отличался от предыдущего. Выжженная степь, палящее солнце над головой, понуро бредущие кони...

— Мне всю ночь снились пещеры, — сказал Хепат, — будто я бреду, а потом побеждаю мертвцев. И страха совсем не было!

Эскиламп оглянулся на гнома, восседавшего на верблюде, как на троне, и покачал головой.

— Ну... почти не было страха... — поправился Хепат, — я ведь люблю пещеры, я же все-таки гном, хоть и давно живу среди людей...

И он затянул старую песню гномов, которую так любил Конан. Необычная, неземная — подземная — мелодия и странные, отрывистые слова языка гномов давно исчезнувшего клана Вармина...

На ночлег остановились, когда погасли последние отблески зари. Как всегда, старались проехать в часы вечерней прохлады возможно большее расстояние. На сей раз, сушняка вокруг не нашлось, и Эскиламп запалил волшебный костер. Несколько, с трудом найденных веточек, горели спокойным, неугасимым пламенем.

— Теперь твой черед рассказывать, — волшебник, прищурившись, глянул на мальчика, — я порассказал достаточно.

— Не о мертвцах ли в пещерах был последний рассказ? — проворчал Хепат, заворачиваясь в одеяло.

Конан, на сей раз, решил подольше посидеть у костра. Ночная прохлада вселяла бодрость и прогоняла сон.

Прежде чем начать рассказ, Дриан долго думал, что-то шептал, вспоминая, загибал пальцы.

— Считаешь страшные случаи? — усмехнулся Конан, — у меня, например, пальцев не хватит...

— У меня пока хватает... — мальчик с сомнением посмотрел на свои пальцы — вы не поверите, но самый большой страх я испытал после смерти матери, когда меня приютила ее сестра. Отец мой давно погиб, — продолжал Дриан, — я его и не помню. Мать помню... Но она вскоре померла и меня, взяла к себе тетя — толстая, седая старуха. Наверное, она не была очень уж старой, просто так выглядела... И еще: на глазах у нее были бельма... страшно так... Чтобы рассмотреть человека, она наклонялась вперед и сквозь ужасные, мутные пятна на глазах пыталась что-то увидеть... Подойдет, бывало, вперит в меня белые глаза и долго-долго молчит. У меня аж мурашки по спине...

Я много работал на полях и только к вечеру приходил в дом. Тетя жила с мужем — забитым, маленьkim мужичком. Детей у них не было. Муж ее домой ночевать приходил редко — все больше валялся пьяный где-то на задворках. Я же ночевал в сарае, на соломе. Спать в доме боялся после одного случая...

Меня тогда положили на лавку в углу. Тетя спала на лежанке у другой стены, муж ее бродил вокруг дома и горланил песни. Домой она его пьяного не пускала, а ему от этого только веселее было. Ходит вокруг и поет... а иногда ругается. В тот раз — пел. Потом вдруг замолк, будто подавился. Я слышал — перед тем, как подавиться ему, тетя что-то сквозь зубы сказала... Даже не сказала — каркнула, будто... Или слово какое-то непонятное произнесла.

Не знаю... только наутро мужа ее мертвым нашли. А когда хоронили, тетя разговаривала с ним, как с живым...

Я помню, колдун ей сказал — что ты с ним говоришь-то? Он же мертвый! А она как глянет на него бельмами! Колдун, уж, на что человек бывалый, а и он как-то сник и в сторону отошел... Страшные глаза были у тети...

С тех пор я спал в сарае. Не хотел оставаться с тетей в доме. Но даже и в сарае слышал, как стонет она ночами, кричит, будто зовет кого-то... Чаще всего это случалось в те ночи, когда буря шумела, ветер свистел в щелях сарая... А тут еще и крики эти!.. Я, бывало, сожмусь в комок, заткну уши и лежу, дрожу, пока не наступит утро.

При свете дня, правда, все казалось не таким уж страшным. И тетя — как ни в чем не бывало. Покормит меня и отправит в поле работать. Днем — ничего. Солнце светит. Не страшно. Но ближе к вечеру — тоскливо становилось на душе. Опять идти... туда... Надеяться, что ночь будет спокойной, без криков...

Домик-то у тети был небольшой. Одна комната, да чулан, куда мне было запрещено заходить. Что уж она там держала, не знаю, только замок висел огромный на двери... А ключ тетя прятала... Я, правда, знал, где он лежит — у нее под подушкой. Тут и любой бы догадался...

Днем, когда я обедать приходил, из-за двери чулана этого будто шепот доносился... Но, скорее всего, казалось мне, чудилось...

А после работы — в доме только поесть, и в сарай — спать. Да и хлеб-то, бывало, в горло не лезет. Тетя сидет напротив и вперит ужасные, белые глаза!..

Так жил я после смерти матери... Стал, вроде бы, уже и привыкать... Ничего, очень уж страшного, не происходило... Только все тягостнее становилось на душе. Особенно после того, как тетя мужа похоронила... Она будто ждала чего-то все время... Прислушивалась...

Оно-то, конечно, если человек плохо видит — он старается больше слушать... Но ведь раньше тетя так часто не прислушивалась!.. А тут — постоянно, особенно по вечерам. Даже и мне стали чудиться как будто шаги вокруг дома... И когда в сарае спать укладывался — тоже шаги чудились. Да еще эти ужасные крики тети по ночам!..

А утром — опять ничего. Солнышко светит — и на душе легче. К вечеру, конечно, настроение портилось. А как спать ложиться в сарае, так вообще... Только и думаешь, как бы уснуть побыстрее...

Однажды ночь выдалась тихая. Лежу, слышу, как мыши шуршат в соломе, где-то далеко птицы ночные кричат. А потом, и вообще, все стихло. Казалось, будто все ждут чего-то... Даже мыши перестали возиться. Птицы — и те затихли. Лежу — и заснуть никак не могу. Чувствую — дрожь стала меня бить в тишине этой... Захотелось закричать или схватить молоток и стучать по наковальне. Только бы не эта мертвая тишина! И слышу — кто-то дышит рядом... Прерывисто так... Будто не может за один раз воздух набрать — несколько вздохов делает... Потом сообразил, что это я сам дышу... Так тихо было, что мое дыхание эхом от стенки отражалось.

В общем, сколько я так пролежал — не знаю. Только послышались снаружи шаги — тяжелые, шаркающие, будто вслепую брел кто-то вокруг дома... Кругами ходил и все ближе и ближе... А дыхания не слышно. Только шаги...

Я чувствую — волосы у меня на голове зашевелились, как живые. Крикнуть хочу — и не могу. Хочу тетю позвать — теперь-то она не казалась страшной... Подумаешь — бельма на глазах! Зато — колдунья!

И надо сказать, именно тогда я и понял, что тетя — колдунья. Не из тех колдунов, что в каждой деревне вокруг костра прыгают, нет — настоящая! Ей никаких ритуалов не требовалось... у нее все внутри, в голове...

Хочу позвать — и не могу, не слушается горло, только хрипы вырываются. А шаги — все ближе. Вот уже к самой двери сарай приближаются. Я и вовсе окаменел. Как ни странно, в этот момент удивился, что руки и ноги заледенели. Прямо, ледышками стали, тяжелыми и чужими. Голова закружилась, будто я на лодке в бурю плыву... А дверь вот-вот откроется... Шаги затихли на тропинке, что в сарай ведет...

И тут, когда я решил, что конец мне пришел — вдруг тетя закричала так громко, как никогда до этого. Как только стих крик — будто кто-то мешок зерна с воза уронил. Мягкий, такой звук падения... Упал, стало быть, тот, кто у дверей стоял.

Утром я, выбегая, отвернулся — не мог, не хватило духу смотреть на то, что у порога лежало. Краем глаза заметил только, что это чье-то тело, все землей покрытое... Как если бы я вот, решил покататься в грязи, а потом немного обсох и пошел бродить по улицам... Страшно... Не хочется даже и вспоминать...

А тетя перестала с тех пор кричать. Вот и вся история... Да, еще про чулан... Ну, это потом — там не так страшно было...

3

Дриан поежился и протянул худые руки к костру. Некоторое время молчали. Слышался только мерный храп Хепата.

— Завтра он будет рассказывать сон про страшную, толстую колдунью, — рассмеялся Эскиламп, кивнув на куль из которого торчала окладистая борода гнома.

Конан задумчиво подбросил в огонь невесть откуда взявшийся прутик, который вмиг сгорел ярким, синеватым пламенем. Дрова, уложенные Эскилампом, слегка обуглились — и только. Костер горел ровно и мощно, на несколько шагов раздвигая обступившую путников темноту.

— Почему человек боится темноты? Если ты один где-то, а вокруг — тьма?..

— В темноте могут прятаться враги! — сказал Дриан.

— Темнота, мрак, олицетворяют неизвестную угрозу, — в раздумье продолжал Конан, — если видишь, с кем предстоит сразиться — не страшно. Страшит неизвестность...

— Но вначале человек просто опасалсяочных хищников, — Эскиламп медленно, как бы прислушиваясь, поглядел вокруг, — а потом у него разыгралось воображение...

— И он стал придумывать то, чего нет? — насмешливо спросил Конан.

— Не совсем так... Просто многие монстры встречаются не так часто, как о том думают... И уж сосем не так часто, как говорят!

Конан поскреб гладко выбритый подбородок.

— Верно. У страха глаза велики... Но ведь все, или почти все, о чем говорят — встречается. Хотя и не так часто.

— А вампиров вы видели? — выпалил Дриан.

У костра надолго замолчали.

Эскиламп усился поудобнее и, с не свойственной ему не уверенностью, сказал:

— Я не видел... Были случаи подозрительных смертей... Об этом — в другой раз... Но

вот так живого, если так можно выразиться, вампира... нет, не видел.

Конан хмуро рассматривал свои, покрытые шрамами, руки. Проворчал, как бы про себя:

— Я видел... И убил, хотя это оказалось непросто...

— А, правда, что они могут превращаться в летучих мышей? — Дриан изобразил руками крылья нетопыря.

— Не знаю, вряд ли... Они просто... не люди, — Конан немного помолчал и стал рассказывать спокойным, ровным голосом.

— Было это лет пять назад. Я служил в охране одного высокородного лорда... После его смерти, моя служба, естественно, закончилась... Но это после... А в то время, о котором пойдет речь, я отвечал за охрану северной стены замка. В моем распоряжении были десять человек — не слишком хороших воинов, скорее любителей поспать. Сон им, надо сказать, дорого обошелся...

В мои обязанности входила расстановка часовых на стене, в саду и у входа в башню. Ворот с северной стороны не было. Ну и проверять время от времени, не спят ли мои воины, пинками будить, если что...

Все шло заведенным порядком, только стал я замечать, что людей в замке становится все меньше. Исчезла одна из поварих, из тех, что нам варили, и стали мы подолгу ждать за столом, когда принесут миску похлебки, да хлеба кусок.

Кормили в замке не очень-то... Только по праздникам — мясо, а в будни — похлебка. Вина и вовсе не дождешься! Только, если у лорда событие какое, знаменательное... Но какие там у него события... Приходилось вино на свои покупать, когда свободен от дежурства. Но в таверне местной вино было так себе... дрянное вино, прямо сказать...

Ну, так вот... Слуги исчезали... Даже некоторые из охранников... Но не из моего десятка, понятно. За своими я следил, как хорошая кошка за котятами. Бывало, конечно, и отвешивал пару-тройку оплеух, если заснут на посту, но это справедливо — они и не обижались.

И вот, в это время позвал меня к себе лорд Брикхейм, его звали.

Лорд Брикхейм очень гордился он своей родословной, все портреты на стенах показывал... Даже охранников водил и с гордостью рассказывал, где какой предок висит, да когда и как он умер. Нужно сказать, к чести его рода, что почти все предки в бою погибли. И этот, последний Брикхейм, тоже погиб в бою, правда, в бою не совсем обычном...

Словом, вызвал меня лорд и приказал возглавить его личную охрану, а десяток мой другому передать. Жалованье увеличил втройне. Долго опять про предков рассказывал... А я смотрю — на нем, как говориться, лица нет. Голос срывается, губы прыгают. Он уже старый был, лорд Брикхейм... Но бодрый. Сухощавый, с орлиным носом, торчавшим среди впалых щек, как клюв орла. Глаза сверкали. И не понять — не то гневом, не то весельем... В последнее время, правда, потухли глаза его...

Остановил себя в тот раз лорд, не стал больше о предках рассказывать, посмотрел на меня... и заплакал. Я стою — глазам не верю. Чтобы гордый лорд плакал перед охранником?!.. Здорово его, значит, допекло!..

Обнял он меня — еще один удивительный поступок — а у самого слезы еще не высохли. Потом все же взял себя в руки и кивком предложил следовать за ним. Идем — лестница в подвал, в винные погреба. Туда лорд никого не пускал, только виночерпия, да что-то в последнее время я его не видел... Отомкнул замок, открыл дверь — вошли мы, он из бочки налил огромный ковш и единственным духом выпил, как простой солдат. Я даже уважением к нему

проникся. Потом мне налил ковш и смотрел, как я выпью. Ну, долго-то ему смотреть не пришлось!.. Еще по ковшу... Потом, когда в голове немного зашумело, он повел меня дальше, вдоль длинного ряда бочек. Идем, я факел держу и его поддерживаю — все же вино подействовало на старого лорда... Зашли за угол, лорд заставил меня отодвинуть пустую бочку, за ней оказалась потайная дверь. Вошли. Длинный коридор, с потолка капает, стены в плесени. В конце коридора — тяжеленная каменная дверь с особым запором. Открыть ее можно было только с нашей стороны. Я отодвинул засов, щеколду поднял, дубовое бревно, окованное медью, отодвинул — оно вроде упора было, чтобы уж точно с той стороны никто не выбрался.

Лорд мне показывает — достань, мол, меч и будь наготове. Я приготовился, а сам думаю, что же за чудовища там такие могут быть? Брикхейм, вижу, дрожит весь, несмотря на вино выпитое. Схватился костлявой рукой за кинжал — меч он в замке не носил — и показывает мне: вперед!

Распахнул я дверь. В одной руке факел, в другой меч — и шагнул вперед, как приказал лорд. Первое, что увидел — труп у самой двери. В богатых, расшитых золотом одеждах и с волосатыми руками, а на пальцах — когти. И когтями этими, видно по следам, мертвец камень скреб, глубокие борозды остались.

Лорд вздохнул облегченно и приказал мне перевернуть труп. И, клянусь Кромом, когда я взглянул в лицо мертвецу — вскрикнул, не удержался. Не человек это был и не зверь... Трудно сказать... Из пасти высовывались огромные клыки, да и все зубы выглядели, скорее звериными... Вместо носа — две волосатые дырки, а в остекленевших желтых глазах с вертикальными зрачками сверкала такая злоба, что я содрогнулся и поспешил отвернуться.

Лорд сказал, что заплатит мне месячное жалованье, если я отнесу это чудовище на лежанку. Тут только я осмотрелся. Небольшая, в общем, комната, вырубленная в скале. В стенах — ниши и в каждой нише — лежанка каменная. Ясно — склеп. И склеп тайный.

Поднял я мертвеца, отнес в пустую нишу, потом обошел всю комнату, разглядывая скелеты на лежанках. Лорд мне не препятствовал. Молча стоял у двери. Все мертвецы при жизни были чудовищами — когти, клыки, череп нечеловеческий. У некоторых даже небольшие рожки виднелись. У других — только как бы уплотнения по бокам черепа... Но клыки и когти имелись у всех...

Потом мы, вернувшись в винный подвал, вышли еще по паре ковшей. А уж после этого, мне пришлось достопочтенного лорда Брикхайма на плече нести в его покой.

На следующий день он все рассказал... В роду у них кровь порченая, проклятая. Не все, но некоторые из родственников лорда, по достижении определенного возраста превращались в чудовищ. Постепенно лица менялись, ногти превратились в когти, клыки изо рта лезли... Потом, когда родственник забывал человеческую речь, его и запирали в склепе. Тот мертвец, которого я на лежанку уложил — был старшим сыном лорда. И только боги знали, которые еще из сыновей превратятся...

Но эта напасть была не нова... Лорд меня пригласил по другому поводу... Стали исчезать люди. Некоторых находили в подвалах замка... бескровленных... с ранами на шее. Лорд хотел знать — или это новое проклятие на его род, или пришлый вампир завелся. Вот такое он дал мне задание. Вручил ключи от всех дверей, разрешил в винный погреб ходить... Только не часто я наливал из бочек — не до того было...

Вначале думал я логово вампира где-нибудь в подвалах замка найти. Но сколько ни бродил — кроме крыс никого не видел... Стал к людям присматриваться. По легендам,

вампир бледным должен быть... Но в замке почти все были бледными! Питание плохое, сырость, солнца годами не видели...

Пропал еще один человек — служанка жены лорда. И супруга хозяина нашего, красавица Юфрия, тряслась от гнева. По правде сказать, не была она такой уж красавицей... Тощая, бледная, как смерть, с породистым, как у мужа, носом...

Вот уж кто, как нельзя лучше, подходил на роль вампира... Но положено считать жен лордов — красавицами. И все, как один, восхищались красотой нашей хозяйки.

Решил я тогда засаду устроить в одном из закоулков подвала — где и нашли бескровленный труп служанки. Дождался ночи, вроде спать пошел, а сам незаметно спустился в подземелье. Поборол искушение заглянуть в винный погреб — мимо проходил — и устроился в самом темном, заставленном пустыми бочками углу. Сел на низкую кадку, под прикрытием больших бочек и потушил факел.

В темноте стал ощутим запах сырости. Замок вообще бы сырым, а уж подвал!.. Я думаю, это потому, что стоял он не на холме, как обычно, а на равнине, вблизи речки. А чуть дальше болота начинались. И ходили об этих болотах самые мерзкие слухи. Говорили, будто видели там не то чудовищ, не то приведения, а, скорее всего — все вместе. Я-то думаю, не так часто на болотах чудовища живут... Больше слухов... Но сырость от них идет изрядная!

Просидел я почти всю ночь без толку. Дремать стал, только что-то меня вдруг разбудило. Звук какой-то или запах... Или сквозняком потянуло... В темноте все чувства острее становятся. Услышал я шуршание крыс где-то в другом конце подвала. Принюхался — вроде появился посторонний запах... А чем пахнет — не пойму. У меня огниво и факел под руками — в любой момент зажечь можно. Только опять сонливость накатила.

И, то ли во сне, то ли наяву слышу смех... Как бы далеко где-то, а то, вдруг, и рядом... Из последних сил зажег факел. Вспыхнул он и осветил прямо у меня под ногами труп слуги, а вдали, там, где темнота уже не рассеивалась светом факела, мелькнул силуэт. И смех опять раздался... Женский смех...

Утром пошел я к лорду и рассказал, чем закончилось мое ночное дежурство. Он, как услышал про женский смех — вздрогнул всем телом. Видимо, уже давно подозревал... Да и я об этом же подумал... Хотел уже вслух сказать, но тут вошел второй сын лорда и я вздрогнул: проклятье захватило и его. Лицо юноши уже было нечеловеческим. Но он, вероятно, не зная о том, спокойно поговорил с отцом о какой-то мелочи и вышел. Тут только я понял, почему в замке не было ни одного зеркала. Мне-то они без надобности, а служанки, я слышал, сетовали — плохо без зеркал, причесаться, прихорошиться нет возможности...

Тут лорд вдруг заорал что-то о каре небесной, о том, что богов прогневал тем, что на вампирше женился! Выхватил кинжал и побежал в спальню супруги. Я — за ним, хоть и негоже, вроде, охраннику в спальню жены лорда заходить. Но — тут случай особый...

Пинком распахнул Брикхейм дверь в спальню хозяйки замка, забежал... и вдруг повесил голову — стоит, как бы парализован, даже кинжал из рук выпал. Юфрия лежала обнаженной на широкой кровати и потягивалась так, сладостно, удовлетворенно... Глянула на меня, улыбнулась, и заметил я клыки — эти знаменитые клыки вампиров, о которых столько рассказывают. Не знаю — постоянно они во рту сидят, или только когда надо вырастают... И губы ее, похоже, в крови были... Но это, скорее всего, показалось — уж кровь-то слизать она бы успела...

В общем, стоим мы с лордом посреди спальни — он совсем раскис, шатается, бормочет, что давно догадывался... не хотелось верить... потому и дети у них в чудовищ превращаются

чаще, чем другие предки...

А я глянул — она меня ласково пальчиком манит, а сама этак соблазнительно на кровати раскинулась. Тело-то у нее красивое было...

Я усмехнулся про себя — думаю, не хватало еще с вампиршей в кровать лечь. Но обнаружил, что ноги идут помимо воли. И все ближе кровать, красивое тело жены лорда и ее клыкастая улыбка. И уже чувствую, сладость накатила, будто год женщин не видел, будто не вчера меня ублажала одна из хорошенъких служанок...

Собрался с силами, выхватил меч и одним движением отсек ей голову! Кровь забила таким фонтаном, что мгновенно вся комната стала красной.

Кровать пропиталась, будто покрасили ее! Узорчатый ковер на полу стал однотонным. А кровь все хлестала, не переставая, и тогда лорд Брикхейм кинулся ко мне и вцепился в горло костлявыми пальцами. И чувствую — пальцы у него холодные, как лед. А сила в них такая, что я с трудом разжал его хватку. Смотрю — а изо рта у лорда нашего клыки лезут...

Отбросил я его от себя... А когда он вновь накинулся — разрубил сверху донизу, на две половинки..;

Вот так и погиб лорд Брикхейм... Я думаю, он превратился в вампира, сам того не замечая. А кровь, если и сосал, то в забытьи... А жена его — та была активной... Через каждые два-три дня кровь сосала... Я когда из замка уезжал — служанку, с которой утешам предавался, брать не стал: у нее с каждым днем руки становились все холоднее...

Конан встал и потянулся. Костер по-прежнему горел ровно и весело.

— Ну, а дети его? — спросил Эскиламп.

— А дети... Я потом спрашивал у купцов, что бывали в тех краях... Замок этот все облезают — большой крюк делают, только чтобы мимо не проезжать. Говорят, там живут упыри и чудовища. И вся округа обезлюдила... Правда, в тех краях народу много никогда и не было...

Пару лет спустя, в бою, я столкнулся с таким монстром. Не знаю, был ли это один из сыновей покойного лорда, но когти, клыки и зверская рожа у него имелись.

Я тогда, с сотней других наемников, поступил на службу еще к одному лорду, давно и безуспешно воевавшему с соседом, тоже, естественно, лордом. Платили они оба очень хорошо и наши ребята то и дело сталкивались в бою со своими знакомыми, которых нанял противник. В таком случае, старались, конечно, отходить в сторону — своих не убивать. Благо, оба лорда вооружили всю чернь — руби в свое удовольствие!

Не знаю уж, кто там из высокородных лордов был прав — для меня-то они все на один манер. Стараются попросту оттяпать у соседа земли, да казну разграбить. А раз так — наемникам плати не скучая! Они, правда, и платили!.. За каждый день войны — золотом! Поэтому мы охотно нанимались то к одному, то к другому...

И вот, однажды, вылазку решили сделать — внезапно напасть на войско противника, взявшее в кольцо наш замок. Я возглавлял первую сотню бойцов — самых отчаянных головорезов. Мы врубились в лагерь противника, как топор в трухлявое дерево! Разбили их наголову, и лорд-противник пощады запросил. Все золото отдал, половину земель и еще каждый год обязался сколько-то там платить...

Но суть не в этом. Когда уже стали они сдаваться, я заметил свирепого воина с рычанием отбивавшегося от нескольких человек сразу. Захотелось немного еще поразмяться, крикнул ребятам, чтобы отошли в сторону и дали мне сразиться с этим молодцом. Солдаты отодвинулись, но при этом как-то странно улыбаясь. Через мгновение я понял — почему. Воин этот, которого они окружили, был не человек. Именно таких я видел в замке Брикхейма. Морда зверя, клыки, когти. Но меч он держал крепко и сражался славно! Чувствовалась выучка знатного человека... Может быть, это действительно был один из сыновей старого лорда... Ушел из опустевшего замка отца и, пока еще сохранял человеческий разум, нанялся в ратники к этому лорду-неудачнику... Вот так...

Дриан шмыгнул носом и сказал:

— Мы же договорились страшные рассказы... А этот интересный, но не страшный!

— Ты спрашивал про вампиров — вот я и рассказал, — проворчал Конан, расстилая одеяло, — да еще и про человекозверей добавил...

Эскиламп рассмеялся.

— Это просто он так рассказывал... А если бы поподробнее рассказал, как сидел в темноте, в подвале, да как вампир подкрадывался...

— Все равно не страшно! — Дриан разочарованно стал укладываться.

— Если не страшно, так почему бы тебе ни лечь одному и подальше от костра? — насмешливо спросил колдун.

Мальчик опасливо поглядел в темноту, покачал головой и придинул одеяло еще ближе к костру.

— Кровь!.. — раздался вдруг вопль, — Сколько крови!.. Я убил ее!.. Сколько крови... — и Хепат вновь мирно захрапел.

Восход гном встретил уже на ногах. Мрачный, всклокоченный и невыспавшийся, он ворчал:

— Сколько можно рассказывать?.. Мне все это снится — я давно заметил... Лучше бы рассказывали о приятном...

Очередной день пути не принес ничего нового, а вечером Хепат, вместо того, чтобы завернуться в одеяло и захрапеть, подсел к костру.

— Я, вот, тоже кое-что вспомнил... Хотите, расскажу?

— Если страшное — рассказывай, — кивнул Дриан.

— Страшное — не страшное... — проворчал Конан, — рассказывай в любом случае, мы послушаем... а я полежу...

Через некоторое время Конан мирно захрапел, а Хепат, неодобрительно косясь на спящего друга, начал:

— Жили мы тогда в больших пещерах. Дело было при живом царе Вармине и наше великое царство... гм, процветало... — гном поерзal, покряхтел, будто вспомнил что-то не относящееся к делу, и продолжал, — да... ну, словом, жили мы все же неплохо...

Только стали доходить слухи, что приближается к нам некий ужас из дальних пещер. Что это было — никто сказать не мог... Кто видел — тот погибал от страха или от чего-то еще...

Несколько смелых гномов ушли на разведку. Вернулся один, совершенно одичавший. С ума он спятил, или как-то еще повредился — не знаю. Только хотят непрерывно... А иногда, наоборот, плакал и выл от страха, забившись в самый дальний угол своей пещеры. Жена за ним ухаживала, но он, в такие моменты, и ее пугался. Так и умер в углу, и с таким выражением лица, что смотреть неприятно. Хотя... кому же приятно на мертвцевов

смотреть?!

Тогда и призвал меня Вармин. Был он высок — почитай, выше всех гномов — осанист, с большой белой бородой, которая, надо сказать, всегда была изумительно расчесана — волосок к волоску! Это у других гномов, особенно у тех, кто выпить любил, бороды — ни к черту!.. Спутанные, слипшиеся... А особенно, если длинная, так и вообще... смотреть срамно! У некоторых-то бороды кучерявились — так тем, все едино. Можно годами не расчесывать, она все равно неплохо выглядит. А если волосы на бороде прямые — надо ухаживать. Или, уж, подстригать... Не позориться с нечесаной бородой. Или брить! Но неходить нечесан...

Да, ну это я немного отвлекся. Оно-то и понятно — тема уж больно захватывающая! Ведь у гнома борода — основная краса! Что нужно гному, чтобы женщины любили, а другие гномы завидовали? Ясное дело — борода нужна в первую очередь! А уж потом оружие иметь красивое. Ну, еще пещера чтоб, не пустовала. Добра накопить — это уж само собой. Золотишко, камешков драгоценных... Особенно рубины и изумруды пещеру украшают! Зайдешь, бывало, к иному богачу, а у него вся пещера светится! Где — красным, где зеленым... А где и бриллианты сияют! Но ими-то, в общем, редко стены украшали. Очень уж дорогие камешки... Не ровен час, кто и позарится. Гостей-то у всех полные пещеры!

Я вот, удивлялся иногда, да и по сей день удивляюсь — ведь если одни к другим в гости ушли — у них пещера пустой должна быть! Ан нет! У всех всегда — полные! Вот загадка! Куда не придешь в гости — там уже и без тебя полно!

Сесть даже негде! А уж чтобы вина выпить... Нет, угощали, конечно, всегда хорошо! Вино только быстро кончалось. Но если в гости заявишься с самого утра — пей вволю!..

Вы не подумайте, конечно, будто гномы только и делали, что в гости ходили. Нет! Работали много. И золото добывали, и камешки, и тоннели новые рыли. А часто там и тоннели возникали, где можно камешки найти. Куда копать, если нужно, допустим, новую комнату выкопать? Конечно, туда, где могут быть камни драгоценные. А уж камни-то эти, любой гном за милю чует! Подойдешь, бывало, к стене, ладонями ее коснешься и чувствуешь — вон там камни лежат... рассыпь камней... надо только покопать немного. И копали! Так изрыли всю гору тоннелями, что другие гномы — которые в гости шли — могли заблудиться и попасть совсем не к тем... Но их все равно принимали хорошо. Вина, правда, старались не давать чужим — вино-то, ведь, приходилось наверху покупать! Но, уж, эля — всегда нальют! Полные кружки! А кружки у нас были огромные! У Конана, вот, есть кружечка... Она, конечно, красивая, с барельефами... Демон подарил! Красивая... а все не то! Вот у нас кружки были!.. Можно из нее тянуть весь вечер, а она все, будто и не пустеет! Чудо, что за кружки! Некоторые украшали даже самоцветами. Хорошие-то камешки в кружки не вставляли, а так — разные осколки... Но не в красоте наших кружек суть! В объеме!

Да, ну я опять тут отвлекся немного... И немудрено ведь! Как начну вспоминать жизнь свою в царстве Вармина, так остановиться не могу! Бывало, спать ляжешь, а не спится — все вспоминаешь... Хорошо тогда жили, весело... Конечно, и войны случались, и просто стычки с соседями... Чаще-то воевали с чужаками. Вот, например, дикие обезьяны нагрянут — тут и берутся все гномы за оружие. А как же иначе? Гм, дикие обезьяны... Обезьяны-то всегда дикие! Ордой, бывало, так и прут! И рубишь их, и стреляешь — а их все не счесть. Много сильных гномов погибло, разорванных этими обезьянами!

Ну, так вот... О чём-бишь я? Да, появился, значит, некий ужас... Гном-разведчик умер в пещере своей от страха!.. Даже жены пугался... Оно-то, надо сказать, и немудрено... Жена у

нега уж такая страшная была!.. Ее потом никто не хотел к себе брать. Нашелся один, правда, взял четвертой женой. Так потом до самой смерти ни разу не улыбнулся! А уж такой весельчак был! Да и то сказать — смерть-то его очень уж скорой была. Оно-то и понятно: каждый день видеть такую рожу!

Да... сложно, вообще, жилось в пещерах. Работать много приходилось, хоть и веселились тоже... Да и как не веселиться вечером, если за день, бывало, столько камней добудешь, что на них можно с десяток бочек самого лучшего вина у людей наверху купить? А уж если не лучшего качества — так бочек двадцать! И пей, хоть залейся! И гостей угощай! Правда, не все щедро угощали. Были такие, что вино-то для себя придерживали, а гостей элем поили, чтоб не слишком накладно вышло... Да ведь и то сказать — если каждый вечер гости — на них не напасешься!

Ну, так вот... Вызвал, это, меня к себе царь и говорит... А я, надо вам сказать, молодой еще тогда был. Только-только борода начинала расти. И очень я негодовал по младости лет на тех, кто свою-то бороду в порядке держать не мог! Уж у меня-то, думал я тогда, борода — как вырастет — всегда будет в самом лучшем виде! М-да... Оно, конечно, молодость...

Ну, и говорит, значит, мне Вармин... Наш великий царь! Сейчас, правда, я уже сомневаюсь в его величии...

Да что вы спите-то черти?! Я же вам страшную историю рассказываю!! Не спиши, Дриан? Ну ладно...

Так и говорит мне Вармин, что надо одному идти... Ты, говорит, лучше всех тоннели, да пещеры окрестные знаешь. Ты молодой, шустрый! Иди и будь очень осторожен. Не ленись лишний раз вернуться и доложить! А то уйдешь — и с концами! И гадай потом, где твои кости лежат...

Ну, я действительно, неплохо знал окрестные пещеры. Забирался даже и в соседние царства. Даже и туда, где не жаловали чужаков. И если бы увидели меня — стрела в бок и весь разговор! Бывал я и в старых, заброшенных пещерах. Там, надо сказать — жутковато! Известно, ведь — места покинутые жителями — нехорошие, недобрые... Есть в таких пещерах, что-то плохое... Не то призраки бродят, не то сами стены зло впитали... Ясно ведь, что зло, как ржавчина в железо, въедается в стены пещеры и если долго жили там злые гномы... Словом, нежелательно в таких пещерах даже и появляться, не говоря уж о том, чтобы поселиться.

Придешь, бывало в такую заброшенную обитель — как пахнет злобой! Аж попятишься! Оглянешься — никого, а злоба так и гонит тебя куда-то, так и пышет жаром в лицо!.. Да нет, скорее, не жаром... Холодом! Ледяным ветром дунет! Так, что задрожишь весь, как от мороза лютого! Будто целый день в ледяных пещерах бродил, а одет легко...

Словом, всегда страшно в заброшенных пещерах. Да ведь и то сказать — почему их забросили-то? Почему не живет никто там, где когда-то звучали застольные песни и веселые детские голоса? Что выжило, что прогнало отсюда гномов? Может, зла накопилось слишком много? Ведь не все гномы — такие весельчаки, как, вот я, например! Бывают и угрюмые, и злые... И если постепенно злых становилось все больше, а веселых все меньше...

Э-хе-хе... Старался я проходить такие пещеры как можно скорее. Пробежишь, бывало — только обдует тебя могильным холодом!.. А ты — дальше! Туда, где никто не жил, где царит еще первозданная природная доброта. Ну а вслед, будто голоса чьи-то, замогильные несутся... Кричат, грозят... будто дальнее эхо горного обвала... Какие-то смутные, страшные образы навевают такие места... как из далекого, полузабытого сна... Старый ужас, от

которого трясутся колени и спирает в груди. Хочешь вздохнуть — и не можешь. Закостенело что-то... Язык, бывало, таким шершавым станет, что и слова сказать не можешь...

И это мне — весельчаку — так страшно становится! А что говорить о тех, кто хмурый, да угрюмый?.. Хотя, оно, конечно, наверное, смелость от веселого нрава мало зависит...

Словом, пробегал я галопом такие пещеры, где зло таилось... И вот, стал замечать — чем дальше забираюсь вглубь — вниз, то есть — тем страшнее становится. У нас, ведь, как рыли — ярусами! И вся гора, и вверх, и вниз изрыта, будто соты пчелиные. Мы-то жили где-то посредине... А чем ниже — тем страшнее! Это я заметил.

Я и до сих пор сметливый и наблюдательный, а уж раньше!.. Бывало, надо загадку кому отгадать — он над ней целый день бьется — я вмиг растолкую... что загадка эта неправильная, дурацкая загадка! И разгадывать ее — значит, себя не уважать! От меня и уходили с веселой душой. Некоторые, правда, смеялись очень. Но меня все равно уважали. Братья, вот только — смеялись-то так же, как и другие, но насчет уважения... Но ведь, они старше меня были. А, известно, что старшие младших редко уважают...

Да... Ну, вы-то меня знаете, чего тут долго толковать!.. Опять спиши, Дриан?! Я для кого рассказываю?! Сам же заказал страшное! Погоди, погоди... Еще будет такое страшное, что не заснешь потом! Это сейчас вы все спите, как сурки. Подождите — дойдем и до страшного. Просто я, если уж рассказываю, то — обстоятельно, не торопясь... Вон, Конан рассказывал — раз, раз... и все! К чему так торопиться-то? Так что, ты, Дриан, не спи! Конан-то, ладно... он всегда спит. Любит спать! Но, правда и вскакивает, если тревога!.. Будто и не спал! Это уметь надо! А посмотрел — все спокойно, тревога напрасная оказалась — лег и опять заснул мгновенно. Молодец, словом. Эскиламп, вон, тоже похрапывает! Не знаю, как у него со сном — случись беда — проснется ли так же быстро, как Конан? Ну ладно... А ты не спи, Дриан, слушай! Иначе кому же я все это рассказываю?! А я так — раз начал, меня уж не остановишь, пока все не расскажу! Так что слушай! Я тебя время от времени тормошить буду — ты уж не обижайся...

Так вот... Где я остановился? Что? Про царя? Да ты, Дриан, проспал все! Про царя я давно рассказывал! Ну, ладно, повторять не буду... Но теперь слушай!

Так, значит... Про царя... Хороший был царь, Вармин — справедливый. А, главное, борода у него... Что? Про бороду я рассказывал? Ну, да?

Ладно, слушай дальше... Вызвал он меня... Да... Трудно рассказывать, когда тебя все время перебивают! Не перебивал? Так ты, значит, все же спал?! Нет? Ну, смотри!

Да, вспомнил — про пещеры нижние я рассказывал. В общем, чем ниже, тем хуже. Страшнее. Беспрокойнее на душе. Тяжелее на сердце. Но — иду. Пробираюсь. Где со светом, где и впотьмах приходилось, чтобы не видно было. У гномов-то глаза к темноте привычные. И зрачки — я замечал — у нас сильнее расширяются. Как у волка! Или, допустим, собаки. У собаки-то как? Если нужно в темноте увидеть что-то — так у нее зрачки во весь глаз! Поэтому и видит хорошо! Так, или почти так, и у нас, у гномов.

Словом, тушил я иногда факел и брел в темноте. Особенно, если из окон немного света попадало. Вот ты, Дриан, вижу, хочешь спросить про окна! Дриан! Эй, проснись-ка! Про окна — дескать, какие в пещерах окна?! А такие — что если пещера выше уровня земли — можно и окна незаметные пробивать. Вот так — не полная тебе темнота! Вообще, пещеры у нас были очень умно устроены... И вентиляция, и окна... Воду подводили к самому жилью. Течет ручеек сверху, а ты его направишь, желобок продолбишь — вот тебе и вода к самому носу!

Да... но об этом, в другой раз. О пещерах-то, ведь можно рассказывать вечно! Только начни! Поэтому — как-нибудь потом расскажу.

Спускаюсь я, значит, спускаюсь... Ниже уровня земли, понятно — никаких окон. Но у меня несколько факелов имелось разных — и больших, и маленьких. Маленький освещает только дорогу под ногами — и все. А пламя-то ладонью прикрываешь — и иди незаметно.

Ну и стал я в нижних ярусах скелеты находить. То тут, то там... Некоторые лежали в полном боевом доспехе. Другие — в обычной одежде. Только одежда-то истлела вся... Неприятно, знаешь ли — идешь в темноте и вдруг спотыкаешься обо что-то. Факел зажег — скелет! Череп смотрит пустыми глазницами, скалится, „будто смеется над твоим страхом... А то иногда, кажется, что злится, зубами скрипит. Я, в такие мгновения, вроде, даже скрип слышал... Но, казалось, конечно...

И вот, чем ниже я спускался и дальше от нашего селения отходил — тем мрачнее выглядели пещеры. Своды будто хотели опуститься на тебя, раздавить, стены — сжать, сплющить... Душно в таких пещерах, даже если и вентиляция хорошая...

В общем, иду — и сам не замечаю, что с трудом воздух хватаю открытым ртом, что пот уже глаза заливает, видно плохо...

Чувствую — много зла скопилось тут, внизу. Скелеты все чаще попадаются. И стало мне чудиться, будто шепот чей-то слышу... Тихий такой, зловещий. Слов как бы и не разобрать. Но слышится угроза... И кажется, что эти скелеты со мной разговаривают, шепчут, угрожают...

Еще ниже спустился. Там совсем плохо стало. Однажды глянул в угол пещеры, где скелет лежал — будто чуть шевельнулся он— Я глаза протер, посмотрел внимательнее — нет, лежит...

Иду дальше и ободряю себя — ну что за бред?! Где это видано, что б скелеты шевелились? И тут же будто чей-то шепот — видано... видано... Ты тут еще и не то увидишь!

Очень уж мне хотелось назад подвернуть. В наше селение войти, выпить вина в окружении товарищей... Только как представишь, что эти товарищи скажут, когда узнают, что я скелетов испугался!.. Засмеют, ведь... А соврать — не смогу! Я, вообще, всегда правду говорю. Обманывать — тошно.

Вот, люди, вижу, часто друг друга обманывают! Зачем?! Один говорит другому: убил-де как-то дракона огромного! И ведь, знает, что не поверит никто! Все едино — надо соврать!.. А того не поймет, что себя же этим и принижает. Ведь мог бы — мог бы дракона убить! Если, конечно, не ленился бы упражняться с оружием, силу заиметь... А врет — только говорит этим, что мог бы... да вот... лень... и силы нет... И жалко смотреть бывает на такого вруна...

Поэтому, я — всегда правду!.. И тут, чувствую, что все, как есть, выложу, если испугаюсь и вернусь. И — засмеют. Сначала братья. Потом — и все остальные.

Иду. Шепот этот, зловещий — громче стал, уже и слова слышу. Убьем, задушим, наши костяные пальцы воньются тебе в горло!.. Спотыкаться я стал на ровном месте. А уж если камень, какой... Несколько раз падал. Однажды, упал — в темноте дело было — зажег факел, глянул — а мне прямо в лицо ухмыляется голый череп... Хотя, черепа-то всегда голые... На то он и череп...

Вскочил я — и бежать. Вроде даже, подыгрывать от страха начал. И не заметил яму эту...

Кто ее вырыл на дороге — не знаю. Гномы так не делали. Разве только, если враг приближается. Но тогда — много ям копали. А тут — одна. И не совсем обычная. Обычно-то

яма, а в ней камни острые торчат, чтобы упал, и проткнуло тебя насовсем... А тут — нет. Упал я — и попал в какой-то другой ярус. Как бы между этажами оказался. От этой ямы — тоннели, как норы, во все стороны. Низкие. Такие, что приходилось кое-где и на четвереньках ползти.

Сколько я так пробирался по этим нормам — не помню. Будто онемело во мне что-то. Ползу, а в голове ни одной мысли. Только оказался, наконец, на площадке. Выполз — и онемел! Подо мной — необъятная пещера! Такая, что кинь камень — до ста досчитаешь, а он все лететь будет! Откуда-то сбоку окна — пещера освещена мягким светом. А прямо передо мной — вниз лестница бесконечная. И такая узкая, что даже я — гном не робкого десятка — испугался не на шутку. А главное — перил совсем нет! Узкие каменные ступени, а с двух сторон — пропасть! И как спускаться по этой лестнице, если поджилки трясутся?! Ширина-то — только-только ноги поставить. Да и то — смотреть, куда ставишь: не ровен час, оступишься.

Не знаю, как у тебя, Дриан, а у меня такое иной раз во сне бывает... Иду, где-нибудь... не то, по мостику, не то по тропке горной, а подо мной — пропасть глубочайшая. Такая, что дно еле видно... И страх забирает, а идти надо!..

Вот так и тут... только уже не во сне, а наяву. И откуда в той горе такая пещера взялась? Хотя, наверное, это уже не в горе, а под горой... Опять же — окна... Значит, все же выше уровня земли.

А если выше — значит, я по тем тоннелям на самую вершину горы забрался! А когда полз — вроде и не заметил, чтобы вверх... Словом, чудно все!..

Долго я так стоял на площадке, и сообразить пытался... Думал, может, я в забытьи по тоннелям в соседнюю гору перебрался... В общем, стоял и не мог заставить себя на лестницу вступить. Вот представь, Дриан, что ты стоишь на вершине горы, а горы-то и нет под тобой — одна только узкая лестница!.. Колени затрясутся!

Хотел я уже и назад повернуть. Думаю — да на кой ляд мне эта лестница и эта пещера?! Вернусь теми же ходами обратно и буду пробираться дальше. Только понял я, что не смогу вернуться... что заблужусь в переходах. У гномов-то чувство направления хорошо развито, и я всегда знал, куда идти. А тут — не помню! Знаю, что не смогу дорогу найти... Сгину в низких тех тоннелях!

Да еще и шепот меня догнал! Сзади, откуда я приполз на эту проклятую площадку, шепот стал доноситься — тот же, что и раньше. Только на этот раз пожалуй, даже страшнее. Будто волна за мной катится! Все ближе и ближе. Вот-вот накатит, накроет с головой, а уж тогда не выбраться. И шагнул я на ступеньки...

Несколько шагов сделал — голова так закружилась, будто бочку вина в себя влил за один присест! Остановился — качаюсь, хочу за что-то схватиться, а — не за что! За воздух же не схватишься. Шатает меня, как на ветру, руками машу... Знаю — назад теперь ходу нет, ибо не развернуться на той лестнице. Хотел сесть, чтобы хоть ощутить руками камень — схватиться за ступени... Но и сесть невозможно — нагибаться станешь — точно свалишься! Полетишь вниз, как птица охотником подстреленная. Лететь долго придется, а в конце — об камни! И будет гнить твой труп, пока не превратится в скелет, вроде тех, что я в пещерах встречал.

И подумал я — много, наверное, там, внизу уже лежит скелетов! А как только подумал — шепот услышал. Теперь снизу. Будто шуршание сухих костей поднимался ко мне шепот... Горы, горы скелетов лежали под лестницей. Скоро и мой к ним присоединиться...

И тут придумал я, как страх побороть. Известно ведь, что пройти, скажем, по бревну,

лежащему на земле — очень даже просто. А вот — по тому же бревну, перекинутому через пропасть!.. Там уже сложнее будет!.. Значит, вся суть в том, что видишь под собой бездну. А если не видеть ее — так и не страшно! И представил я, что лестница эта на земле лежит. И пошел! Даже качаться перестал. Иногда представлял, что вокруг меня — стены каменные. Что лестница в стене вырублена. Так и спустился. Но такое напряжение даром не проходит. Спустился — и упал без чувств...

Очнулся от шепота. Догнали они меня — те, кто погиб в пещерах... Навалились, угрожают, кричат...

А громче всех слышался некий голос, призывающий к себе. И знал я, что надо идти в центр пещеры этой, огромной. Что там он меня ждет... А кто он — неясно.

Побрел, согнувшись... Еле ноги переставляю, сапоги по камням шаркают. Еще подумал — мол, всю подошву стешу... Но сил поднимать ноги не было!

Притащился. Глянул и обомлел. Даже сердце, казалось, биться перестало. А в глазах так потемнело, что виделось только то, что прямо передо мной... а по краям — чернота. И посреди черноты — как раз то, что меня к себе призывало... То, что вело, гнало меня по тоннелям... То самое зло, тот самый ужас из дальних пещер, о котором столько у нас толковали...

С трудом различал я сквозь темноту, затмившую глаза мои, какое-то шевеление... Что-то мерзко так копошилось, будто несколько пауков, слепившихся в один комок... Или, может, что-то вроде огромного спрута, поджавшего щупальца, но готового в любой момент их выпустить, схватить тебя, подтащить к себе, окутать мерзкой слизью и высосать кровь... Словом, не понял я — не разглядел, что это было. Как он выглядел, этот ужас...

Показалось только, что щупальца у него — из мертвых, убиенных им тел состоят... И еще много чего показалось... И — запах!.. Такой ужасный запах от него исходил!.. Желудок мой непрерывно сокращался, изо рта текло что-то горькое...

А в голове — теперь уже не шепот!.. Властный, визгливый крик! Подавляющий волю, полностью парализующий тело. О чем-то он меня пытал... Я, вроде, что-то рассказывал... мысленно... Узнал он, конечно, все, что хотел... Сопротивляться было невозможно. Долго он держал меня или нет, не знаю... Под конец только, страшно так рассмеялся, издевательски, как смеется, наверное, кошка, с мышью играющая... И предсказал мне судьбу. В один миг все будущее у меня перед глазами промелькнуло... Не верилось. Не хотелось верить!.. Но все, что он предсказывал — сбывается. Вот, с братьями моими... Вышло точно, как было предсказано...

Не знаю, почему он меня отпустил. Может, чтобы я страдал остаток жизни, видя, как сбываются его пророчества?..

Спишь, Дриан? Не спишишь? Вот видишь — я же говорил, что страшно будет!

А, главное, до сих пор, как погляжу в темноту — вижу чудовище это... Воплощение ужаса. Скопище всего самого мерзкого, что только может быть под землей и на земле!

Хепат умолк и долго смотрел в темноту. Дриан подсел поближе к костру и, обхватив руками колени, сжался в комок.

Эскиламп — когда это он успел проснуться — задумчиво сказал:

— Возможно, ты встретил одного из слуг Аза-тота, обитающего за Вратами... Иногда кто-то из его отвратительных помощников пробирается в Мир... Но недолг его век на Земле — поставленные Старшими Владыками стражи Врат, неустанно ищут и уничтожают всю мерзость, сумевшую незаметно проникнуть к нам из-за Границы.

— Может и так, — пробормотал гном, — только вот он предсказал гибель моего племени... Все так и произошло...

— Вероятно, он посодействовал этому... Творить пакости — его призвание. Когда-то они царствовали на Земле, эти твари...

Эскиламп что-то прошептал, и костер вспыхнул, будто в него плеснули масла.

— Вот так-то получше, — проворчал Хепат, — а то темнота кругом... Подступает, будто... Кажется, что там... кто-то затаился.

— К-кто з-затаился, — прошептал Дриан, придвинувшись к костру так близко, будто собирался сжечь себя заживо.

— Да нет там никого, — сказал Конан, подсаживаясь к костру и зевая. — Вот напугали сами себя!..

Он уселся, скрестив ноги, выпрямив спину и положив руки на колени.

— Один старый монах научил меня этой позе. Сам он сидел в ней часами. Правда, ноги у него, вообще, выворачивались...

Эскиламп посмотрел на Конана, легко принял ту же позу и положил левую ступню на правое бедро, а правую — на левое. Затем скрестил руки за спиной и ухватился правой рукой за большой палец правой же ноги, а левой — соответственно за палец на левой ноге. Грудь у него расправилась, лопатки сошлились. Закрыв глаза, он стал медленно и глубоко дышать.

— Вот-вот, — кивнул Конан, — иногда он и руки так заплетал... Вообще, в узел завязывался, застывал и грезил. Я пытался узнать, что же он видит... Но ничего не добился. Понял только, что виденья его — нечто непостижимое и прекрасное.

— Это невозможно передать словами, Конан, — медленно сказал Эскиламп, — и он не просто видел прекрасное... этот монах... Он жил в этом прекрасном... Согласись — это разные вещи. Или ты просто увидишь на столе кружку вина, или сам сядешь и выпьешь...

— Понятно, — проворчал Конан, — можно также сказать и о женщине: или просто увидишь ее, или...

— Некоторые гномы бросали в костер специальные травы и тоже что-то там видели... в чем-то участвовали... — втянул Хепат, зевая во весь рот.

Дриан обошел вокруг застывшего Эскилампа, пытаясь запомнить, куда нужно пристраивать ноги и руки. Долго что-то бормотал, показывая пальцами, потом покачал головой и сел рядом, пытаясь скопировать позу. Несмотря на детскую гибкость, он никак не мог управиться с ногами, а колени упорно не желали лежать на земле.

Эскиламп в очередной раз глубоко вздохнул и вдруг стал выплевывать воздух сильными, равномерными толчками.

— Это очень хорошо очищает легкие, — пояснил он, развязываясь и принимая обычную позу.

— Тот монах тоже любил плеваться! — расхохотался Конан.

— Эта система воспитания тела и духа, — терпеливо объяснил колдун, — подарок одного из богов... Посвященные передают ее от учителя к ученику и свято хранят тайну упражнений.

— Значит, твой учитель, Акцион, тоже умел так завязываться?

— Он многое умел, Конан... Я же говорил — это был необыкновенный человек. Жаль, что склонился ко злу...

— И нашел смерть во чреве огромной змеи, — вставил Хепат.

Эскиламп грустно посмотрел на гнома и продолжал:

— Раньше боги часто спускались к людям и учили их разным премудростям. Выплавлять железо, выращивать хлебные колосья... Они даже дали семена неизвестных тогда растений... Научили людей смотреть на звезды...

— Не просто смотреть, как я понимаю, — Хепат запрокинул голову, — просто смотреть и я могу...

— Конечно, не просто... — сказал Эскиламп, обращаясь к спутанной бороде гнома, — звезды и судьбу могут предсказать, и время показать. По ним мудрецы календарь составили... Еще один дар богов — лечение иглами. Нужно иметь набор золотых и серебряных игл — они хранятся в монастырях...

— Знаем такое дело! — авторитетно заявил Хепат. — Иглы эти втыкать в разные места... в нужные точки! Это и я могу! Вот только, надо знать при какой болезни, какую иглу, да в какую точку втыкать!..

— Вот именно, друг мой, — мягко заметил колдун, — надо знать! Этому люди учатся несколько десятилетий. Только потом начинают лечить.

— Я бы и за месяц выучил, — проворчал Хепат, — только бы кто рассказал...

— Да кто ж тебя в ученики возьмет?! — засмеялся Дриан.

— А мне и не нужно, чтоб в ученики! Рассказать — и все! Я мгновенно запомню!

Гном вопросительно уставился на Эскилампа, но тот покачал головой:

— Я и сам еще не до конца освоил...

Хепат крякнул с досады и засобирался спать.

— Многие знания утеряны, — грустно продолжал колдун, — например, легенды рассказывают о неком оружии, чем-то похожем на арбалет, стреляющем невидимыми стрелами... даже не стрелами, а железными шариками, летящими так быстро, что их невозможно увидеть!

— Громовые стрелы? — уточнил Конан.

— Да, иногда это оружие так называли. Когда шарики эти летели — гром гремел... Многое, многое забыто из того, что подарили нам боги... И многое будет вновь ведомо...

— Боги не будут второй раз учить нас, дураков! — вставил Хепат, заворачиваясь в одеяло.

— Ну, так люди сами догадаются! Или найдут древние книги... Ведь хранится где-то эта мудрость! Часто слышал я о тайной библиотеке, где спрятаны книги, написанные богами. Много лет пытаюсь ее найти...

— Догадаются твои люди!.. — ворчал гном, будучи явно не в духе, — хоть бы не забыли то, что сейчас знают...

— Увы... забудут. Многое забудут. Это неизбежно. Даже мы, волшебники, не можем сохранить знания! Уже сейчас утеряны некоторые могущественные заклинания! И еще многое, многое забудется. И многое будет открыто заново!

Эскиламп вопросительно глянул на Конана:

— Ты хотел что-то рассказать? Вижу, сидишь задумавшись...

— Да, вспомнился один случай... Это было, в общем, не так давно... Я тогда прогулял все деньги и решил наняться охранять караван.

Киммериец помолчал, затем чему-то усмехнулся и продолжал:

— Владелец каравана предложил жалованье втрое, против обычного. У него уже было двенадцать охранников со своим командиром... Требовался тринадцатый воин...

Конан опять надолго умолк и задумался. Только нетерпеливая возня Дриана и покашливания Эскилампа вернули его к действительности.

— Странным был этот купец. Худой, бледный... Купцы-то, сколько я их видел, всегда толстые, чуть с жири не лопаются! И говорил странно — не разжимая губ, монотонно ронял бесцветные слова... Казалось, голос его исходит не из уст, а откуда-то изнутри...

Но как бы то ни было — договорились. На следующий день я присоединился к каравану. Состоял он из десятка верблюдов с поклажей и погонщиками, да нескольких лошадей. Четверка лошадей тащила огромную повозку, где под шелковым балдахином, неподвижно восседал хозяин.

Двенадцать охранников держались особняком. Я несколько раз пытался заговорить с ними, познакомиться... Такие же, как и у хозяина каравана, односложные ответы сквозь зубы... Погонщики — так те, вообще, молчали, о чем бы я их не спрашивал...

Да демоны их забери всех, думаю, мрачных и неразговорчивых! Не стал больше ни с кем говорить. Еду себе позади каравана, по сторонам посматриваю, как положено... Иногда вперед скачу, особенно, если впереди холм или распадок — осмотреться. Словом, службу несу, как и должно.

Да, еще одна странность — никто мне так и не сказал, куда этот караван направляется. Спрашивал я и натыкался на пустые глаза. Ладно, размышляю, куда-нибудь да приедем. Судя по всему, караван направлялся, чуть ли не в Вендию. На юго-восток двигались... Я прикинул — заработка столько, что хватит на год веселой жизни!

Словом, едем... Выехали-то ночью. Всю ночь по холодку двигались, затем — день, следующую ночь... Хозяин и не думает останавливаться! Странно все это было. Ни один купец не ездит без остановок! Мне-то ладно — я и на ходу мог подзакусить, но ведь коню нужно пастись! Да и верблюдам! И лошадям охраны...

На четвертые сутки я не выдержал и подступил к хозяину — выкладывай, в чем дело! Невозможно же без остановок двигаться! Животным нужен отдых! Да и людям, в конце концов.

Купец посмотрел на меня тусклым взглядом и процелил, как всегда, не разжимая губ: «Останавливайся, отдохни. Потом догонишь».

Я пожал плечами, отделился от каравана и направился в ложбинку, где трава была погуще и не такой сухой. Там и остановился. Коня пустил пастись, сам как следует, закусил, да и лег отдохнуть под тенистым деревом.

Лежу, размышляю о странностях хозяина и всех слуг его. Незаметно и заснул.

Проснулся, уже вечером, от тревожного ржания. Конь, вижу, беспокоится, копытом бьет... Огляделся — вроде, никого вокруг. И в то же время, как-то неспокойно стало на душе. Будто знаешь, что вот-вот враги нападут, а откуда их ждать — неизвестно. Собрался я быстро, в седло вскочил и пустился караван догонять.

Только вот, следы никак не могу найти. Вот, вроде, и дорога, по которой ехали... а следов нет! Может, думаю, они свернули куда-то? На ближайший холм поднялся — нет нигде каравана. Вроде, и спал я недолго — не могли они за это время уйти так далеко, что и с холма не увидеть! А, главное — следы-то где?! Не по воздуху же они летели?!

Вернулся назад, в ту лощину, где отдыхал. Затем, точно по своим следам к дороге

проехал, нашел то место, где я от каравана отделился. Вижу — четко мои следы. А следов каравана — нет!

Вспомнил я тогда и глаза тусклые у погонщиков и охранников, и бледный вид хозяина, его манеру говорить, не разжимая губ...

Конан умолк и протянул руки к огню. Дриан смотрел округлившимися глазами. Ждал продолжения. Не дождавшись, спросил:

— Так ты нашел караван или нет?

— Нет, конечно... Да я и искать больше не стал... Мне бы сразу понять!.. А я с ними трое суток ехал! Одного не могу взять в толк — я-то им, зачем понадобился?

— Тут можно только предполагать, — медленно сказал Эскиламп, — возможно, они опасались встречи с патрулями... а ты — человек известный! Любой патруль — видя, что с караваном идет знаменитый Конан — не стал бы их задерживать...

— Да разве ж их можно было задержать?! — подал вдруг голос Хепат.

Оказывается, он не спал, хотя друзья могли поклясться, что слышали его равномерное похрапывание.

— Кто знает, на какой стадии они находились... — задумчиво протянул колдун, — но, во всяком случае, им понадобился живой человек... Значит, чего-то опасались...

— Так они?.. Они, значит... — Дриан дрожал не то, от возбуждения, не то, от страха.

— Именно, — кивнул Эскиламп, — Конан удостоился чести сопровождать караван мертвецов... или призраков... Точно не могу сказать.

— А задаток-то он тебе дал, хозяин этого самого каравана? — спросил Хепат.

— Задаток дал! Золотом чистейшей пробы, как я потом выяснил. Я, в общем, и не переживал, что не получил всей суммы... Кто знает, куда направлялся этот караван...

— Куда он направлялся — ясно, — хохотнул Эскиламп, — но тебе туда попадать было ни к чему!

— Да, уж... — проворчал Конан, — пока еще рановато... Давайте-ка седлать коней — скоро рассвет. Надеюсь, что наш-то караван, следы оставляет?

— Пока еще оставляет! А твой след, Конан, будет самым заметным!

Эскиламп махнул рукой, и костер мгновенно угас. Хепат ворча, сворачивал одеяло: так и не удалось поспать... Дриан зачарованно смотрел на своего огромного друга — пытался представить... Сопровождать караван мертвецов!.. Бледный хозяин... Не разжимая губ...

А Конан привычно и спокойно седлал коня, готовясь к новому дневному переходу.